

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ, МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И КУЛЬТУР СТРАН

Тезисы докладов
IV Международной
научно-практической конференции
(27–28 сентября 2021 г.)
в рамках III Международного научного
форума «Наследие»

CURRENT ISSUES IN THE STUDY OF HISTORY, FOREIGN RELATIONS AND CULTURE OF ASIAN

Summary of Presentations
of the 4th International Scientific Conference
(September 27–28, 2021) of the
3rd International Scientific Forum “Heritage”

Министерство науки и высшего образования РФ
Новосибирский государственный университет
Гуманитарный институт
Кафедра востоковедения
НОЦ «Наследие»

**АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ,
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И КУЛЬТУР
СТРАН ВОСТОКА**

Тезисы докладов
IV Международной научно-практической конференции
(27–28 сентября 2021 г.)
в рамках III Международного научного форума «Наследие»

Новосибирск

2021

Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation
Novosibirsk State University
Institute for the Humanities
Section of Oriental Studies
Research and Educational Center “Heritage”

**CURRENT ISSUES IN THE STUDY OF HISTORY, FOREIGN
RELATIONS AND CULTURE OF ASIAN COUNTRIES**

Summary of Presentations
of the 4th International Scientific Conference
(September 27–28, 2021)
of the 3rd International Scientific Forum “Heritage”

Novosibirsk

2021

СЕКЦИЯ ДОКЛАДОВ НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ
SECTION IN ENGLISH

H. Takakura

Tohoku University, Japan

Intangible Cultural Heritage and the Disaster Risk Reduction

Does intangible cultural heritage contribute to disaster risk reduction? The previous heritage scholars have argued protections of cultural heritage against disaster, but few discuss it vice versa [Littlejohn, 2021]. The recent international policies of disaster risk reduction have evaluated the role of cultural heritage in disaster mitigation. I examine the idea focusing on Japan 3.11 disaster.

The United Nations Office for Disaster Risk Reduction encouraged strengthening communities' capacity for managing disasters risk reduction in Hyogo Framework, 2005 and advocated the cultural heritage for disaster risk reduction in Sendai Framework, 2015. The clue is the local community and intangible cultural heritage (ICH). UNESCO defines ICH as traditions or living expressions inherited through generations, such as performing arts, festive events, and rituals. Because of the living heritage, it allows the change based on the community-based agreement. The idea led to an alternative way of thinking about how ICH might mitigate the impacts of disasters.

The salient feature of Japan 3.11 disaster was the coverage and anthropological focus on local performing arts and festival events as symbols of the community's recovery [Takakura, 2016]. Many scholars recognized that ICH mitigates the pain and predicament of survivors and enables them to recover social cohesion and collaboration, which is ICH's unique contribution to disaster risk reduction. ICH is not omnipotent, but it is a powerful tool for evocating the initiatives of community-based sufferers. It is suggested that

cultural policymakers, together with disaster policymakers, must consider the practical value of ICH for disaster risk reduction under local contexts.

References

Littlejohn A. 2021. The potential of intangible loss: reassembling heritage and reconstructing the social in post-disaster Japan. *Social Anthropology* 10, 2021. P. 1–16.

Takakura H. Lessons from anthropological projects related to the Great East Japan Earthquake and Tsunami. In John Gledhill (Ed.) *World anthropologies in Practice: Situated Perspectives*, Global Knowledge. London, Bloomsbury, 2016. P. 211–224.

H. Oka

Tohoku University, Japan

On Mongolian Migrant Laborers in the Qing Era Mongolia

In this presentation, the speaker argues about the non-nomadic mobility of Mongolian banner subjects as migrant laborer in the Qing times through studying the thievery cases recorded in the recently published Lifanyuan's addresses to the Emperor in the 18th century.

The Qing's rule expanded the living space of the Mongols beyond the territory of their home banners and accelerated their mobility to find livelihood outside of nomadic pastoralism. Their new sphere of life was based on the economic conditions formed by urbanization and sedentarization. The cities and villages attracted poor Mongolians who sought job opportunities for eking out a living. They could have had the permission of their local administrations for leaving their banners, but once they had left their administration could not supervise them. Although the wages offered by the merchants and villagers were quite low and promised no savings, it gave them possibilities to sustain their migrant life which sometimes lasted for decades. On their journey these migrant workers met the subjects of other banners and they got acquainted with each other. The thieves often found accomplices through such cross-boundary connection and committed crimes together.

The role of the Manchu sphere of the Qing's rule in stimulating the mobility of migrant workers is not to be ignored. The cities and villages were first developed in the territories of Kōke qota, Caqar and Northeastern three provinces under the jurisdictions of Manchu Eight Banners which were located between the Mongolian banners and the Chinese provinces and easily accessible for the subjects of both. It played a role of an administrative buffer between the two culturally distinctive worlds of the nomadic pastoralists and sedentary

agriculturalists on one hand, and it also became the contact zone of the subjects belonging to the different jurisdictions of the ruling structure of the Qing.

References

Hiroki Oka. The Mobility of Mongolian Banner Subjects in the Mid-Qing Era. *Memoirs of the Research Department of the Toyo Bunko*, 2018. No. 76, P. 1–33.

Hiroki Oka (ed.). Mobility and Symbiosis in Northeast Asia: On the Frontier of China, Mongolia, Russia and Korea. Sendai: Center for Northeast Asian Studies, 2020. Tohoku University (in Japanese).

S. Ziehaus

Palacký University Olomouc, Czech Republic

The Qing after the Imperial Turn: Paradigm Shifts and New Frontiers in Global History

This paper aims at situating the Qing Empire in the field of Empire-Studies and to determine the place of the Qing in world history. The re-positioning of the Qing Empire in the analytical framework of Empire Studies presents a valuable addition to the New Imperial History Studies and Global History in general, in which the Qing Empire still remains at the peripheries.

Global historians have produced several publications, integrating the Qing Empire into the global network of trade and commerce in the 18th century [Frank, 1998; Wong, 1997]. However, from studies concerning the 19th century as the age of imperialism, the Qing Empire has been mostly absent. Until recent years, the Qing Empire has been mostly absent from the global field of Empire Studies. Peter Perdue has made the most successful attempt yet to examine the formation of the Qing Empire and to place that process in comparative context, by viewing the Qing Empire as an example of “Manchu colonialism” [Perdue, 1998]. Millward proposed to identify Qing imperialism as “old imperialism”, in juxtaposition to “new imperialism” [Millward, 1998], practiced by Europe in the formation of overseas, economically oriented empires, and placed in a line with other “old” imperial, continental empires such as the Ottoman, Habsburg and Russian Empire.

Especially with the rise of new paradigms in Empire, offering a more nuanced perception of empires, New Imperial History has reframed the frontier as a middle ground of interaction. In an effort to shift the focus from the center to the edges of the Empire, researchers have opened up a promising field of questions regarding the incorporation of indigenous people into the Empire and the inner workings of borderland administration. With the rise New Qing

History [Rawski, 1996], numerous scholars (Schorkowitz – China 2017; Mosca, Kim, Kotkin 2014) have put the area of Inner Asia at the center of their research, usually encompassing the newly conquered Manchu territories outside of China proper. The current patterns of study of the Qing Empire are furthermore increasingly comparative and include non-Chinese archives – Manchu, Tibetan, Mongolian, Uighur, Arabic – which also paves the way for an integration of the Qing Empire into the field of Comparative Colonial and Empire Studies.

Ultimately, the integration of the Qing Empire into the field of Global history can be achieved by treating the process of Qing Empire-Building in Northern Manchuria as a local phenomenon that can and should be compared to other frontiers, such as the Russian Empire in Siberia. By making use of the comparative method, integral to the field of Global History, and assuming a local-historic approach, the Qing are going to be included in the newly-strengthening field of Empire Studies, as well. The re-definition of modernity in the Qing and the reframing of the “tributary system” [Fairbank, 1968] are only some of the many research questions, emerging from the application of various concepts on to the Qing imperial context.

References

Fairbank, John K. New Views of China’s Tradition and Modernization. Publication / Service Center for Teachers of History 74. Washington, D.C.: Service Center for Teachers of History, 1968.

Frank, Andre Gunder. ReOrient: Global Economy in the Asian Age. 1st ed. Acls Humanities E-Book. Berkeley: University of California Press, 1998.

Kim, Loretta, Matthew W. Mosca, and Victor Zatsepine. Introduction: Interfaces in Qing Frontier History. *Frontiers of History in China*, vol. 9, iss. 3, 2014. P. 329–35.

Millward, James A. Beyond the Pass: Economy, Ethnicity, and Empire in Qing Central Asia, 1759–1864. Stanford, CA : Stanford University Press, 2020.

Perdue, Peter C. Comparing Empires: Manchu Colonialism. *International History Review*, vol. 20, no. 2, 1998. P. 255–62.

Rawski, Evelyn S. Presidential Address: Reenvisioning the Qing: The Significance of the Qing Period in Chinese History. *The Journal of Asian Studies* , vol. 55, iss. 4, 1996, p. 829–50.

Schorkowitz, Dittmar, and Ning CHIA. *Managing Frontiers in Qing China: The Lifanyuan and Libu Revisited*. Vol. 35. Brill's Inner Asian Library. Leiden: Brill, 2016.

Wong, R. Bin. *China Transformed: Historical Change and the Limits of European Experience*. [5th] paperback printing.. Ithaca, NY : Cornell University Press, 2018.

E. Kolesova

University of Central Asia, Aga Khan Development Network, New Zealand

From “Kyoiku Mama” to “Taiga Mother” – Stereotypes about Education Practice in Japan and China and its Effect on New Zealand

A few decades ago when the Western world was caught off-guard by the unanticipated extent of the Japanese economic miracle, academics and media in and outside of Japan fiercely debated the benefits and pitfalls of the Japanese education system. Media reports about the high levels of achievement - especially in maths and science – attained by Japanese high school students in international exams at the time, strongly contributed to the idea that the secret of Japan’s economic success must be connected with its education system. Eventually the negative images of examination hell, *kyōiku mama* (mothers obsessed with education of their children) and *gakureki shakai* (society based on academic credentials) overshadowed Japanese education success and became enduring points of criticism.

In a new millennium, it is Chinese economic growth that has captured the world’s imagination, even though the Chinese education system remains far less enigmatic and popular than Japan’s was in recent decades. The heated media and occasional academic debate that followed the publication in 2011 of “Battle Hymn of the Tiger Mother” written by Amy Chuo, a daughter of Chinese immigrants to America who lived all her life in the US, further dramatized the existing divide in the public imagination between Chinese, or broadly speaking “Asian”, and Western (or Anglo-Saxon) education practice.

In this discussion paper I contrast some generalisations about education practice in Japan, and in China, with New Zealand, by recognising the specific cultural traditions and values attached to education practice (and pedagogical models) in these countries. The effects of these different education practices on New Zealand will be also outlined.

Y. Cheng

Tohoku University, Japan

**Weapons of Diplomacy: Japan's Weapon Export to Korea in 17th century
Northeast Asia**

Despite few extant historical documents of the 17th century, we could still find traces of Joseon Korea's frequent imports of Japanese weapons from diplomatic letters between Tsushima and Joseon. Tsushima Fuchu domain usually sent sulphur and Japanese sword to Joseon as a gift. In addition, Joseon also requested Tsushima to purchase sulphur from Japan in the first half of the 17th century. Sulphur was a strategic resource for the military, and at the time, Japan was known for its abundant reserves. In 1657, Joseon envoys bought 10,000 jin (approximately 6,000 kilograms) of sulphur from Japan during 1655 Joseon missions to Japan. One question that comes first: Where did those abundant sulphur go? There are no wars after the Qing invasion of Joseon (1636-1637) in the Korean Peninsula, and some South Korean researchers point to Joseon's import of Japanese weapons and sulphur as a preparation for Hyojong's northern expedition against Qing, a plan that failed from the beginning. However, Joseon forces participated in Sino-Russian border conflicts on the side of Qing China, in English literature, it is known as the Northern Expeditions of 1654 and 1658, where Qing claimed victory against Russian expeditionary Cossack forces. Previous studies accentuate Joseon's musketry army as the key to success. Besides the musketry army, Qing's focus on Japanese weaponry and acknowledgement of Joseon-Tokugawa relations is also considered the background of Qing's success in the conflict. This paper will place Japanese weapon export to Korea in the context of Northeast Asia's changing situation, thus contributing to a better understanding of Tsushima's presence in 17th century Northeast Asia.

A. Gerstl

Palacký University Olomouc, Czech Republic

The Sino-US Rivalry in the Indo-Pacific: The Strategic Responses of Great and Middle Powers

Since supreme leader Deng Xiaoping launched his opening-up and reform policy in December 1978, the People's Republic of China (PRC) developed in an economic superpower. Moreover, it also became a military force to be reckon with, in particular in the Indo-Pacific region. Already in the 1990s, China's rise raised fears, as in particular the neighbor states in Northeast and Southeast Asia and Oceania critically questioned the motives for China's increased defence spending. Beijing responded with a charm offensive, not least with supporting the most affected Southeast Asian countries financially to overcome the Asian Financial Crisis of 1997/98. Most recently, Beijing used the COVID-19 pandemic to conduct a face mask and vaccine diplomacy. The beneficiaries are all members of China's Belt and Road Initiative (BRI) of which the Health Silk Road forms a previously overlooked part. However, while China's vaccine donations were highly welcome in the beginning, there have increasingly been raised doubts about the efficacy of the Chinese vaccines. Beijing's vaccine diplomacy was therefore much less successful as envisioned and failed to create trust (Zaini, 2021).

Launched in 2013, the BRI is an ambitious geo-economics and geostrategic initiative, aiming at better interlinking Asia with the Middle East, Europe, Africa, Latin America and the Arctic. Many politicians and scholars regard it as a Chinese grand strategy or tool to strive for regional, if not global dominance, while other regard it more as a flexible bundle of policies and actions (Gerstl, Wallenböck, 2021). However, even if we assume the Chinese leadership does not have the intention to rule the world, due to its size and impacts the BRI impacts on the existing order, norms and values in the Indo-Pacific region.

Japan under former Prime Minister Shinzo Abe was the first country to react to the strategic challenge of the BRI by outlining its Free and Open Indo Pacific Strategy in 2017 (Ministry of Foreign Affairs of Japan, 2017). Australia, the United States and the Association of Southeast Asian Nations (ASEAN) followed, whereas the European Union (EU) is currently in the process of developing its Indo-Pacific strategy which should complement its China strategy. The latter is also work in progress, but a first outline portrays China as partner, (economic) competitor and – for the first time ever – a systemic rival (European Commission and High Representative of the Union for Foreign Affairs and Security Policy, 2019).

The EU strategy can build on the respective strategies developed in key member states such as Germany, France and the Netherlands. The EU and the major European powers, including the United Kingdom, aim at playing a more prominent role in the region, even in security matters, notably in the South China Sea. Right now, the Europeans are only influential economic players and have therefore soft power, but lack coercive power. Similar to the US and Japan, the Europeans launched an alternative infrastructure and connectivity initiative, albeit it cannot match the geographic scope, ambitions and the funding of the BRI. Unlike the former Soviet Union, Russia has an even lower profile in the Indo-Pacific, despite President Vladimir Putin’s strategic objective to improve the relations as part of his “turn to the east” policy, announced in 2010. Moscow is, however, an important provider of weapons, notably for India, China, Vietnam and Malaysia (Storey, 2021).

All Indo-Pacific strategies have in common that they emphasize the need to uphold the multilateral order, based on international law, dialogue and cooperation. Key for this order is the maintenance of ASEAN’s regional centrality in the Indo-Pacific which is verbally also endorsed by China. The regional organization established since the end of the Cold War trans-regional forums to promote dialogue and cooperation in politics, economics and security,

for instance, the ASEAN Regional Forum (ARF) and the East Asia Summit (EAS). However, whether ASEAN can maintain its strategic usefulness as go through actor for the great powers, remain to be seen. It depends both on the hegemonic intentions of China and the US and ASEAN's ability to sponsor compromises among the great powers.

Washington remains under President Joe Biden critical of China. The most noteworthy change to the policies of Trump administration is that Biden returned to the traditional alliance policy. It can be expected that he will further intensify the security cooperation with Japan, Australia and India – all are members of the Quadrilateral Security Dialogue (Quad) and skeptical of China, as they feel threatened by China's rise. Japan is a traditional rival which has built strong partnerships with the Southeast Asian countries and Taiwan; India is concerned about China's string of pearls, i.e., a series of deep-water ports surrounding its territory; and Australia has been sanctioned by the PRC, its biggest trade partner, after uttering criticism on Beijing's handling of the COVID-19 outbreak in Wuhan in early 2020 (The Guardian, 2021).

The smaller Southeast Asian countries, notably Malaysia, the Philippines and Vietnam have less influence than great powers on shaping the regional order. Therefore, they will most likely further follow their hedging strategy towards China (Gerstl, 2021, 2020). Hedging is a mixed policy approach, as it consists of cooperative (bandwagoning) and confrontative (balancing) measures that can be simultaneously applied towards the hedging target (Kuik, 2016). Firstly, hedging allows the Southeast Asian countries to keep their strategic flexibility and autonomy, i.e., to refuse to bandwagon either with the US or China. This is absolutely crucial in a region that is keen on defending national sovereignty and is also wary of interferences into domestic affairs. Secondly, it enables the governments to reap economic benefits from the PRC, while they insure themselves via close security relations against negative effects of China's strategies and behavior. While they can economically gain from the BRI –

however, there are risks associated with China's debt-trap policy –, the territorial dispute in the South China Sea poses strong security risks to their sovereignty and national security.

The South China Sea is together with Taiwan and the Korean Peninsula one of the hotspots in the Indo-Pacific that can lead to a military conflict, if not war between China and the US. China claims about 90 percent of the South China Sea, builds and militarize artificial islands and rapidly modernizes its navy (Mizokami, 2021). Disputing the legality of the Chinese claims, the US challenges the PRC by regularly conducting so-called Freedom of Navigation Operations (FONOPs), supported by its Western allies. The objective is to uphold freedom of navigation and trade in the South China Sea – which is essential for Asia and the Western world. However, as the Trump era and most recently the US withdrawal from Afghanistan demonstrate, Washington's partners in the Indo-Pacific must remain concerned about America's long-term presence in the region and its commitment to respect mutual defence treaties. Therefore, they must not only hedge against China's rise but also against the at least questionable US security commitments.

While there is a risk that the Sino-US rivalry culminates in a military confrontation with potentially dreadful consequences, there remains ample room for a peaceful settlement of the bilateral disputes. Thereby the regional organization ASEAN should further on play the central role in bringing together all major powers in the Indo-Pacific, including Russia, to promote dialogue and trust-building. Preventive diplomacy and mechanisms to enforce binding decisions of the multilateral institutions would be necessary further steps. For this, however, the existing multilateral ASEAN-led forums and the underlying principles of non-interference in domestic affairs and consensual decision-making must be reformed. Stability in the Indo-Pacific will be crucial not only for the region itself but the whole world, as the Indo-Pacific will maintain its

status as the economic powerhouse – but also as a region full of unresolved disputes and conflicts.

References

Gerstl, A. Malaysia's Hedging Strategy towards China under Mahathir Mohamad (2018–2020): Direct Engagement, Limited Balancing and Limited Bandwagoning. *Journal of Current Chinese Affairs*, 2020, vol. 49, iss. 1. P. 106–131.

Gerstl, A. The Gradual Softening of the Philippines' Hedging Strategy Towards China under President Duterte. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2021, vol. 20, iss. 1: History. P. 46–56.

Gerstl, A. and Wallenböck, U. Making analytic sense of the Belt and Road Initiative: a plea for multi- and trans-disciplinary approaches and eclecticism. In Gerstl, A. and Wallenböck, U., eds., *China's Belt and Road Initiative: Strategic and Economic Impacts on Central Asia, Southeast Asia, and Central Eastern Europe*. Abingdon and New York, Routledge, 2021. P. 1–20.

Kuik, C.-C. How Do Weaker States Hedge? Unpacking ASEAN states' alignment behavior towards China. *Journal of Contemporary China*, 2016, vol. 25, iss. 100. P. 500–514.

Ministry of Foreign Affairs of Japan. *Diplomatic Bluebook 2017*. Tokyo, 2017. URL: <https://www.mofa.go.jp/policy/other/bluebook/2017/html/chapter1/c0102.html#sf03>

Mizokami, K. The Chinese Navy is On Serious Steroids. *National Interest*, 9 June 2021. URL: <https://nationalinterest.org/blog/reboot/chinese-navy-serious-steroids-187329>.

Storey, I. Russia's Defence Diplomacy in Southeast Asia. A Tenuous Lead in Arms Sales but Lagging in Other Areas. ISEAS – Yusof Ishak Institute, Perspective no. 33, 18 March 2021. URL: https://www.iseas.edu.sg/wp-content/uploads/2021/03/ISEAS_Perspective_2021_33.pdf.

The Guardian. Australia takes China to WTO over its trade sanctions on Australian wines. 19 June 2020. URL: <https://www.theguardian.com/australia-news/2021/jun/19/australia-takes-china-to-wto-over-its-trade-sanctions-on-australian-wines>.

Zaini, K. China's Vaccine diplomacy in Southeast Asia – A Mixed Record. ISEAS – Yusof Ishak Institute, Perspective no. 86, 24 June 2021. URL: https://www.iseas.edu.sg/wp-content/uploads/2021/06/ISEAS_Perspective_2021_86.pdf.

V. Kruglov¹, J. Richter²

¹MGIMO University, Russian Federation

²University of Vienna, Republic of Austria

New Methods of Teaching Chinese Diplomatic Language

In the process of training students of such programs, as “International Relations”, “Regional Studies” and etc., it is very important to use appropriate textbooks in diplomatic language. The skills of right usage of diplomatic terms and knowledge of the tendencies of International Relations by the means of foreign languages are seems to be the integral part of the educational process as whole.

New and actual methods of teaching this discipline were realized in the textbook “Diplomatic Terminology”, which is a specially developed trilingual student book for students of Russian universities, enrolled in bachelor's and master's programs.

The main purpose of the textbook is the comprehensive formation of skills in the field of diplomatic service and international relations in Chinese and English. While mastering the course, students deepen their knowledge of the specifics of the diplomatic service and the system of modern international relations, develop their skills in the field of diplomatic and consular correspondence, expand the stock of professional vocabulary and get acquainted with modern trends in world politics by the means of foreign languages.

The textbook consists of a methodological note, sixteen lessons and an appendix. The cloud storage of video materials for lessons acts as a multimedia component of the textbook.

Each lesson of the textbook “Diplomatic Terminology” consists of 6 sections: the main text of the lesson, vocabulary, additional texts for extending reading, reference materials, exercises and a multimedia part.

Thus, the textbook “Diplomatic Terminolgy” is designed to form the necessary skills and abilities among students in the field of diplomatic service and international relations in three languages – Chinese, Russian and English.

U. Wallenböck

Palacký University Olomouc, Czech Republic

Connecting Foodways: Cultural Entanglement in Inner Asia

My paper deals with the cultural aspects of foods and beverages in Inner Asia with focus on the Tibetan cultural realm. I argue that everyday foods illustrate cultural identity: Food(s) are vehicles for expressing culture. In fact, food is the base of every society and food and at the same time it is a tool to communicate ideas, values, identities, and attitudes. Being aware that Tibetan cuisine represents a combination of influences from China, Central Asia, Mongolia, India, and Nepal, for instance, I am questioning according to what criteria do the Tibetans qualify a foodstuff or a dish as “traditional” or even “unique”? Moreover, I am investigating in which situations and contexts, whether social, religious, ideological, or political, may a food be given traditional value, positive or negative? In my paper, I will, hence, validate the framework that food can produce control and coercion in both the political and social spheres.

J. Sato

Tohoku University, Japan

Gathering Activity of Wild Foods in Japan and Its Contemporary Situation

In this presentation, I will discuss how gathering activities of wild foods are carried out in contemporary Japan (especially on the mountainside) from the perspective of anthropology.

‘Gathering’ here is a form of subsistence activity that entails collecting and transporting plants, fungi, and small animals with little movement, and is the most basic means of food acquisition for humans.

This presentation is divided into two parts. In the first part, based on the fieldwork conducted by the presenter in the southwestern part of Akita Prefecture in 2020, we discuss the specific ‘place’ where the gathering happens and the meanings behind the physical movements of the gatherers.

To elaborate, the gatherers used their own vehicles and various types of roads in mountains that were not originally intended for the general public use, like bricolage, and carried out efficient gathering. The experience of such a process of body movement, whether by vehicle or on foot, has important implications for future gathering activity.

The second part discusses the issue of the edibility of food resources in Fukushima after the 2011 nuclear accident, which the presenter began researching in 2021.

Therefore, this part discusses the boundaries of various dimensions, including the criteria for determining whether to ingest or ship the food, and the ongoing discussions and conflicts between the government and the producer regarding the edibility criteria's setting and revision.

Finally, I will summarise the gathering activities of wild foods in the contemporary Tohoku region from the perspective of micro-adaptation to the environment.

A.V. Zinchenko

Novosibirsk State University, Russian Federation

The significance of the «Seven Rituals» tea complex in the context of its connection to Zen Buddhism

The «Seven rituals» is a tea complex created in the beginning of XVIII century by the 7th head of Omotesenke tea school and the 8th head of Urasenke tea school, Joshinsai and Yugensai respectively, along with their fellow disciples.

Outwardly, the complex of «seven rituals» looks like one of tea drinking involving games, but the meaning of the ceremonies is not limited to the entertainment purpose only but the complex also serves as a certain training in order to achieve skills necessary for successful participation in the tea ceremony. These skills not only include tea making, but also include manipulating with incense, coal and flowers [Voytishek, pp. 182–186].

The amount of rituals correlates with the important Zen-Buddhist concepts. We might highlight such concepts as 内の七事 *uchi-no-shichiji* and 外の七事 *soto-no-shichiji* related to the «seven external and internal deeds of a noble man», as well as the Confucian principles of 七事 *shichi-ji* ("seven deeds") which might be presented as «secrets of control over the state» [Sen, pp. 3–9].

Therefore, according to its internal meaning it is legitimate to consider the complex as a part of Zen-Buddhist practices. Moreover, the conduction of every ceremony was created in accordance with a certain Buddhist concept. This fact allows us to speak about the invariability of the Zen meaning of rituals in the historical perspective. [Sen, pp. 123–126].

References

Sen Sōshitsu. Shichi-ji-shiki-ue [七事式上]. The «Seven rituals». Part 1. Tankosha: Tokyo, 1977.

Voytishk E. E. Game traditions in the spiritual culture of East Asia (China, Japan, Korea). Novosibirsk state university press: Novosibirsk, 2011.

**СЕКЦИЯ «АРХЕОЛОГИЯ, КУЛЬТУРА, ИСКУССТВО,
МИФОЛОГИЯ, РЕЛИГИЯ»**

С. А. Комиссаров¹, П. В. Мартынов²

¹*Новосибирский государственный университет, Новосибирск*

²*Информагентство «Накануне» и телеграмм-канал «В сердце Азии»*

Пещеры Мустанга

В докладе анализируются археологические материалы, полученные при изучении уникального пещерного комплекса в районе Верхнего Мустанг (на территории северного Непала, вблизи границы с Тибетским автономным районом КНР). Раскопки на памятнике проводились с конца 1980-х гг. совместными германо-непальскими и американо-непальскими экспедициями. В результате было выявлено свыше 400 искусственных пещер, которые служили в качестве жилых помещений, укрытий от врагов, буддийских молелен и даже склепов, причем они практически непрерывно использовались с начала раннего железного века (не позднее IX–VIII вв. до н. э.) и вплоть до этнографического времени. Таким образом, пещеры Мустанга представляют собой археологический микрорайон, исследование которых помогает понять особенности развития местного, в основе своей тибетского населения на протяжении трех тысячелетий.

М. А. Кудинова

Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск

**Дворцовый парк правителей Наньюэ – древнейший памятник
ландшафтного искусства на юге Китая**

Ярким примером, иллюстрирующим высокий уровень развития древнекитайского ландшафтного искусства, служат руины дворцового парка правителей царства Наньюэ, обнаруженные на территории г. Гуанчжоу. Памятник был открыт в 1995 г. во время проведения строительных работ. В том же году начались раскопки, найден и частично расчищен пруд и соединенные с ним каналы. Дно пруда вымощено необработанными камнями, щебнем и каменными плитами, по краю его окружала каменная балюстрада. Разведочные работы позволили установить, что пруд имел прямоугольную форму, длина с севера на юг ок. 72 м, ширина с запада на восток ок. 50 м, макс. глубина 2,5 м. В 1997 г. южнее был обнаружен мощный камнем извилистый канал с подведенным к нему желобом для подачи воды из пруда. Через канал был перекинут каменный мостик, к которому вела дорожка, выложенная каменными плитками. Также найдены обломки каменных колонн и балясин, черепица, предметы из бронзы, железа, керамики, кости рыб, черепах, оленей и т.д. Парк был построен не ранее 175 г. до н.э. и функционировал вплоть до падения царства Наньюэ в 111 г. до н.э. По своему устройству он, в целом, вписывается в общекитайскую садово-парковую традицию эпох Цинь-Хань, отличительной чертой является широкое применение каменных строительных элементов, что не было характерно для ландшафтной архитектуры того времени и, возможно, обусловлено инокультурным влиянием [Наньюэ..., 2008].

Список литературы

Наньюэ гуньюань ичжи. 1995, 1997 нянь каогу фацзюэ баогао (шан)
[南越宫苑遗址 (上)]. Отчет об археологических раскопках дворцового
парка царства Наньюэ 1995, 1997 гг. Пекин: Вэньу чубаньшэ, 2008. Т. 1.
328 с., 24 цв. илл., 126 илл. (на кит. яз.).

Д. В. Селин

Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск

О связях бегазы-дандыбаевской культуры с культурами эпохи поздней бронзы Синьцзяна (КНР)

Установлено, что в ареал бегазы-дандыбаевской культуры входил Центральный Казахстан, отдельные находки керамики известны на юге Западной Сибири. На территории Синьцзяна первая посуда этой культуры была обнаружена в 1994 г. Эти находки позволили В. И. Молодину выдвинуть предложение о миграции носителей бегазы-дандыбаевской культуры на эту территорию. Пришлые группы могли смешиваться с местным населением каракольской или близкой ей культуры развитой бронзы [Молодин, 1998. С. 288].

Новейшие находки на территории юга Синьцзяна позволяют дополнить эту гипотезу. Выделяются изделия из могильника Люшуй. Они орнаментированы гребенчатым штампом, узоры покрывают горловину и плечики сосудов. Мотивы орнамента представлены рядами геометрических фигур (ромбов, равнобедренных треугольников) и поясами, заполненными разнонаклонными оттисками штампа [Хань Цзянье, 2017. С. 87]. Подобные узоры, доходящие практически до тождества, известны на памятниках бегазы-дандыбаевской культуры: Кент, Айбас-Дарасы. Схожие по форме сосуды обнаружены в мавзолеях Бегазы, Айбас-Дарасы. Особенностью керамики могильника Люшуй является наличие ручек.

Таким образом, носители бегазы-дандыбаевской культуры, проникая в Синьцзян, начинают взаимодействовать с местным населением, что приводит к появлению синкретичных по форме и орнаменту сосудов.

Список литературы

Молодин В. И. Находки керамики бегазы-дандыбаевской культуры в Синьцзяне и их значимость для понимания культурно-исторических процессов в западных районах Центральной Азии // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 1998. Т. 4. С. 286–289. (на рус. яз.)

Хань Цзянье. Гунъюань цянь 2 цяньци чжун-хоуе Ячжоу чжунбу дицюдэ юаньди таогуань [韩建业。公元前2千纪中后叶亚洲中部地区的圆底陶罐]. Круглодонные керамические сосуды из районов Центральной Азии середины – второй половины 2-го тыс. до н.э. // Каогу. 2017. № 9. С. 82–93. (на кит. яз.)

В. В. Ахметов

Новосибирский государственный университет, Новосибирск

Погребения знати в Бохае и объединенном Силла: к вопросу о периоде государств севера и юга в корейской историографии

В корейской историографии термином «государства севера и юга» называют период сосуществования на территории Корейского полуострова Объединенного Силла (далее Силла) и Бохая. Термин «эпоха государств севера и юга», где на севере Бохай, а на юге Силла прочно вошел в корейскую историографию. Однако уместность его употребления, подразумевающее наличие тесных взаимосвязей между Силла и Бохаем, остается под вопросом. В эпоху трех государств на Корейском полуострове Силла, Когурё, Пэкче непрерывно воевали друг с другом, при этом их культурное взаимодействие активно развивалось. Это прослеживается, в том числе, по погребальному обряду элиты.

Обнаружатся ли общие черты при сравнении погребальной обрядности элиты Бохая и Силла. В Бохае основными известными на данный момент погребениями знати являются могилы в Людиншань, Лунхай, Саньлинтунь. В Силла некоторые гробницы, благодаря сохранившимся стелам соотнесены с конкретными ванами: например, гробницы Муэль-вана и Хындок-вана. Некоторые масштабные погребения по косвенным признакам также соотнесены с гробницами известных по летописям ванов.

Бохайский и силлаский погребальные обряды знати были схожи тем, что испытывали влияние танского Китая. Однако в Силла начали формироваться такие особенности погребальной обрядности, которые потом были закреплены в качестве образца для погребальных сооружений гробниц ванов в эпоху Чосон. Погребальные обряды знати в Бохае и Силла показывают, что духовная культура элит двух государств

развивалась обособлено. Исходя из этого, термин «эпоха государств севера и юга» может восприниматься лишь как отображение географических реалий расположения Бохая и Силла относительно друг друга.

Е. Э. Войтишек¹, А. В. Запорожченко²

¹Новосибирский государственный университет, Новосибирск

*²Новосибирский государственный педагогический университет,
Новосибирск*

**Проект по изучению азиатских коллекций в музеях Европы на
кафедре востоковедения Гуманитарного института НГУ**

Изучение коллекций искусства стран Восточной и Юго-Восточной Азии, которые в силу ряда исторических причин оказались в музеях Европы, представляет собой важную научную и методологическую проблему. Цель проекта состоит в анализе музеефикации азиатского искусства. Особое внимание при этом уделено изучению историко-культурных, художественных практик и анализу просветительской деятельности специализированных европейских музеев (главным образом, Германии, Великобритании, Франции, Австрии, Греции, Польши, Швеции и некоторых других). Одна из задач проекта – составление карты коллекций этих музеев и создание истории их формирования. Работа объединяет преподавателей и студентов ГИ НГУ и призвана заложить основу для выявления отличительных особенностей, обстоятельств, целей и потребностей азиатских коллекций в музеях за пределами Азии.

Данный проект является актуальным и отражает растущий интерес ученых к этой категории коллекций, что отражается в большом количестве монографий [P. Lo, 2017], симпозиумов [Politics of Collecting Asia: 1800 – Present, 2018] и конференций [Second Conference of the European Association for Asian Art and Archaeology, 2017]. В 2019 г. на конференции ИКОМ в Киото была проведена панельная секция, посвященная данной проблематике. В отечественной науке подобного рода исследования, к сожалению, не проводились.

Список литературы

Patrick Lo, Dickson Chiu, Allan Choet. Inside the World's Major East Asian Collections. One Belt, One Road, and Beyond. Cambridge: Chandos Publishing 2017. 466 p.

Politics of Collecting Asia: 1800 – Present. SOAS, University of London on 28 April 2018. <https://www.soas.ac.uk/jrc/events/28apr2018-politics-of-collecting-asia-1800---present.html> (дата обращения 18.11.2020).

Second Conference of the European Association for Asian Art and Archaeology, 24-27 August 2017, University of Zurich. http://www.ea-aaa2017.ch/public/pdf/EAAA_Program%20and%20Abstracts_170814_opt.pdf, (дата обращения 18.11.2020).

Е. Е. Малинина

Новосибирский государственный университет, Новосибирск

Феномен «прощальных стихов» в дзэнской традиции

С глубокой древности на Востоке с величайшим уважением и трепетом относились к начертаниям кисти, к написанному слову, которое «и есть сам человек» [Terayama, 2005. P. 7], зеркальное отражение его духа. Одна только линия, один-единственный штрих способен передать духовный потенциал мастера. В неизмеримо большей степени это относится к *юигэ* - предсмертным строкам, обнажающим, как считалось, саму суть человека. Феномен «прощальных стихов», написанных в последние мгновения жизни, принадлежит к самым волнующим рукописным завещаниям в истории человечества. В статье анализируются отдельные, наиболее репрезентативные, с точки зрения автора, предсмертные строки выдающихся дзэнских наставников, предпринимается попытка исследовать особенность данного феномена, продемонстрировать факт того, что эти последние «следы туши» - отнюдь не произведения искусства, взывающие к гармонии формы и содержания, и они не имеют ничего общего с эстетическим опытом. Наибольшую значимость в этих поразительных документах представляет тот факт, что в нескольких поэтических строках, запечатлённых китайскими иероглифами, находит выражение сама суть того духовного опыта, который приобрёл к концу жизни просветлённый мастер.

Список литературы

Tanchu Terayama. Zen Brushwork. Focusing the Mind with Calligraphy and Painting. Tr. by Thomas F. Judge, John Stevens. Tokyo, New York, London: Kodansha International, 2005.

Е. Э. Войтишек, Е. Б. Смолкина

Новосибирский государственный университет, Новосибирск

Вклад корейских мастеров в развитие японского фарфора

Технологии производства фарфора появились в Японии лишь в XVII в. Этому способствовали военные походы Тоётоми Хидэёси в Корею, в ходе которых множество корейских гончаров были захвачены в плен и привезены в Японию.

«Прародителем японского фарфора» считается корейский мастер Ли Сампхён. В 1616 г. он обнаружил залежи каолиновой глины неподалеку от г. Арита и основал первую мастерскую, обжигавшую фарфор из местных материалов. Среди других корейских плененных гончаров стоит упомянуть Фукауми Содэн и его супругу Хякубасэн, внесших вклад в производство бело-голубого фарфора Арита.

С помощью корейского опыта были построены печи *ноборигама* с сообщающимися камерами для обжига, расположенными вдоль склона горы. Из корейской школы *пунчхон* была заимствована техника покрытия сосудов ангобом. Связь с корейской керамикой иногда просматривается в декоративном оформлении, например, в изображениях тигров и растений.

В целом, роль корейских мастеров в развитии японского фарфора на его начальной стадии можно назвать основополагающей.

Список литературы

Егорова А. А. Японская керамика эпохи Эдо (1600–1868): Культурный контекст и атрибуция / СПб.: Петербургское Востоковедение, 2020. 284 с.

Broomhall Susan. 1 Shaping Family Identity among Korean Migrant Potters in Japan during the Tokugawa Period / Keeping Family in an Age of

Long Distance Trade, Imperial Expansion, and Exile, 1550–1850. Edited by Heather Dalton, Amsterdam: Amsterdam University Press, 2020. P. 29–56.

Nakagawa Sensaku. Kutani ware. Tokyo; New York: Kodansha International: distributed in the U.S. through Harper & Row, 1979. 194 p.

П. Э. Подалко

Университет Аояма Гакуин, Токио, Япония

Востоковедение в РФ в постсоветскую эпоху: шаг вперед, или два шага назад?

Достижения российского востоковедения в дореволюционный и советский периоды истории достаточно хорошо известны, поэтому в предлагаемом докладе ставится задача рассмотреть существующую ныне ситуацию, выделить наиболее проблемные, по мнению автора, аспекты, а также предложить пути и способы решения уже существующих проблем – в тех случаях, где опыт и знания автора позволяют ему надеяться быть услышанным российскими коллегами. В нынешнем году (2021) исполняется ровно тридцать лет с момента распада СССР; как всякий юбилей, это располагает к подведению некоторых итогов, что, в свою очередь, помогает оценить пройденный путь и понять, что нового и в каком объеме обрело отечественное востоковедение, как с точки зрения развития науки, так и с точки зрения преподавания соответствующих дисциплин. Поскольку в одном докладе невозможно охватить все темы и области исследования отечественного востоковедения, основное внимание будет сосредоточено на дальневосточном направлении: Япония, частично Китай и Корейский полуостров. Однако, есть все основания думать, что основные из рассматриваемых проблем достаточно типичны и не имеют узкой региональной привязки, что позволяет распространить точку зрения автора на отечественное востоковедение в целом, применив и к другим регионам аналогичные вопросы, нуждающиеся в незамедлительных ответах. Сама тема доклада предполагает его заведомую полемичность – будь то проблема оттока из РФ за рубеж подготовленных кадров, отсутствие профессиональной ротации, нехватка диссертационных советов, «мелкотемье» представляемых научных работ, отсутствие

обратной связи и иных форм взаимодействия с зарубежными коллегами, и др. Следует отметить, что наряду с признанием ряда несомненных достижений, текущее состояние российского востоковедения, по мнению автора, достаточно далеко от желаемого, но эта ситуация вполне может и должна быть изменена к лучшему, и в этом смысле я искренне выражаю надежду на продуктивный и взаимно-полезный диалог со всеми участниками обсуждения доклада на предстоящей конференции.

А. С. Шмакова

Новосибирский государственный университет, Новосибирск

Ароматическая культура Кореи периода Трех государств (по материалам Самгук Саги, Самгук Юса)

Целью данного исследования является рассмотрение процесса развития ароматической культуры на Корейском полуострове и выявление ее специфических, отличных от китайской, черт на материале письменного памятника "Оставшиеся сведения о трех государствах" ("Самгук Юса").

История развития ароматической культуры на Корейском полуострове насчитывает 18 веков. Согласно текстам летописей «Самгук саги» и «Самгук юса» проникновение благовоний на Корейский полуостров совпадает с началом распространения буддизма и может относиться к периоду IV–V вв.

Тщательный анализ текста «Самгук Юса» позволяет сделать вывод о том, что благовония в Корее активно использовались в медицинских, ритуальных и магических целях, являлись предметом ценных даров высокопоставленным чиновникам и ванам, а также непременным атрибутом досугового времяпрепровождения монахов и мирян. "Благоуханные" имена в средневековой Корее носили буддийские общины и братства.

Ритуалы и практики с использованием благовонных веществ способствовали формированию на Корейском полуострове богатого инструментария, причудливых форм селадоновых курильниц и других видов утвари.

Адаптация и развитие ароматической культуры на Корейском полуострове привели к возникновению в VIII в. уникального ритуала захоронения аромата *мэхян*, аналогов которому нет нигде в мире.

Н. И. Мартишина

Сибирский государственный университет путей сообщения, Новосибирск

Принципы конфуцианской философии в культуре современного Китая

Тезис о том, что принципы философии Конфуция продолжают определять как этику повседневной деятельности, так и выработку серьезных управленческих решений в современном Китае, стал достаточно тривиальным в современной социально-политической риторике [Степанянц, 2009. С. 39]. Вопрос о том, в какой мере это утверждение является декларативным, а в какой – действительно отражает существующие реалии, значительно сложнее и может быть содержательно рассмотрен лишь на основе анализа самих фундаментальных принципов конфуцианства. На мой взгляд, достаточно явная параллель может быть установлена между конфуцианским учением о ритуале и некоторыми особенностями отношения к порядку, организации, принятому способу действий в китайской культуре, в том числе современной. Ритуал – установленная форма осуществления того или иного действия – трактуется в философии Конфуция как обязательный к исполнению во всех случаях стандарт поведения; как способ оптимизации действия (которое в отсутствие ритуала всегда получается хуже, чем при его соблюдении); и как способ сообщения действию его истинного смысла [Семененко, 1987. С. 152]. В этом контексте традиция строгого следования всеми официальными лицами букве установленного порядка, недопустимости исключений, культ регламента обусловлены в культуре современного Китая не только практическими потребностями социального регулирования или проявлениями этатизма, но и сформированным конфуцианством менталитетом.

Список литературы

Степаняц М. Т. Восточные сценарии глобального мира // Вопросы философии. 2009. № 7. С. 35–43. (на рус. яз.)

Семененко И. И. Афоризмы Конфуция. М.: Изд-во МГУ, 1987. 304 с. (на рус. яз.)

А. В. Зинченко

Новосибирский государственный университет, Новосибирск

Значение комплекса «Семь ритуалов» в контексте его связи с дзэн-буддизмом

«Семь ритуалов» – это чайный комплекс, разработанный в начале XVIII в. седьмым патриархом чайной школы Омотэсэнкэ и восьмым патриархом чайной школы Урасэнкэ, Дзёсинсаем и Югэнсаем соответственно, наряду с их учениками.

С внешней стороны, комплекс «Семь ритуалов» выглядит как чайное действо игрового типа, однако функции церемоний не ограничиваются развлекательной сферой, но также включают в себя отработку навыков необходимых для успешного участия в чайном действе. Эти навыки не ограничиваются только питьем или завариванием чая, но включают в себя манипуляции с благовониями, углем и цветами [Войтишек, 2011. С. 182–186].

Количество ритуалов соотносится с важными дзэн-буддийскими концептами. Среди главных мы можем выделить такие концепты как 内の七事 *ути-но-сити-дзи* и 外の七事 *сото-но-сити-дзи* [Сэн, 1977. С. 3–9] наравне с конфуцианским принципом 七事 *сити-дзи* «Семь дел», которые представляют собой «секреты управления государством» [Сэн, 1977. С. 3–9].

Таким образом, основываясь на сакральном значении комплекса, мы рассматриваем его как один из вариантов дзэн-буддийских практик. Более того, порядок проведения каждой церемонии был разработан в соответствии с определенным дзэн-буддийским концептом. Этот факт позволяет говорить нам о том, что сакральное значение ритуалов остается неизменным в исторической перспективе.

Список литературы

Сэн Со:сшу. Сити-дзи-сики уэ [七事式上]. «Семь ритуалов». Ч. 1. Танкося: Токио, 1977.

Войтишек Е.Э. Игровые традиции в духовной культуре Восточной Азии (Китай, Корея, Япония). Новосибирский государственный университет: Новосибирск, 2011.

А. Г. Сторожук

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург

Цинкэтинское и Чжусюэчжайское собрания Ляо Чжая

Творчество одного из знаменитейших писателей цинского Китая Пу Сун-лина (蒲松齡, 1640–1715), прежде всего его собрание новелл «Ляо Чжай чжи и» (聊齋誌異, Странные рассказы из Кабинета Неудачника) известно как на родине, так и в других странах по поздним сводам текстов, скомпонованным уже после смерти самого Пу Сун-лина многочисленными поклонниками его таланта. Сам же писатель не объединял свои многочисленные предания о чудесах в готовые к публикации собрания, хотя в 1679 г. составил рукописный сборник для друзей и даже снабдил его предисловием, впоследствии воспроизводимым практически во всех публикациях. Тем не менее, при жизни Пу Сун-лина и несколько десятков лет после его смерти не имелось даже сколько-нибудь однозначной структуры свода «Странных рассказов», и варианты объединения этих произведений содержали как разную компоновку новелл, так и различное количество цзюаней, в которые новеллы объединялись. Первые рукописные компиляции, отличавшиеся тотальным структурным разнообразием, не породили традицию их дальнейшего копирования; но свод, собственноручно скомпилированный и переписанный в 1751 г. Чжан Си-цзе (張希傑, 1689–1763), так называемый «Чжусюэчжайский список» (鑄雪齋抄本聊齋誌異), стоит здесь особняком. Именно это 12-цзюаневое собрание признаётся впоследствии классическим с точки зрения компоновки и становится основой для поздних академических сводов XX в.

В XIX же столетии пальма первенства в вопросе популярности принадлежит другой компиляции текстов, впервые увидевший свет еще в

1766 г. Речь идёт о первом ксилографическом издании «Ляо Чжая», известном как «Цинкэтинский сборник» по названию печатни Цинкэтин (青柯亭) в городке Цзяньдэ (建德), где был произведён оттиск 16-цзюаневого свода, впоследствии выходявшего и в оригинальном виде, и с различными комментариями, а в 1886 г. в Шанхае появляются целых два иллюстрированных издания. Классическим считается литограф печатни Тунвэньшущзюй (同文書局) под названием «Проиллюстрированные и откомментированные «Странные истории из кабинета неудачника»» (詳註聊齋志異圖詠), но и второе издание того же года из шинхайского литографического дома «Цзянцзо шулинь» (江左書林) также заслуживает отдельного внимания и отдельного рассказа. Таким образом, «Чжусюэчжайское» и «Цинкэтинское» собрания «Ляо Чжая» определили структуру данного свода и являются классическими для всех последующих сборников «Странных историй» Пу Сун-лина.

А. О. Победоносцева-Кая¹, А. И. Кирпичёнок²

¹*Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург*

²*Центральная городская публичная библиотека им. В. В. Маяковского,
Санкт-Петербург*

Сехаране: сохранение идентичности курдистанских евреев

Начиная с первой половины XIX в., курдистанские евреи начали переселяться в Палестину преимущественно по религиозным мотивам. Этот процесс завершился в начале 1950-х гг., когда большая часть еврейской общины Иракского Курдистана была вывезена в Израиль в рамках операции “Эзра и Нехемия”. Сегодня в этой стране живет около 130 тыс. выходцев из Курдистана. Около 60 тыс. чел проживают в Иерусалиме и его окрестностях, еще 40 тыс. находятся на севере страны, и около 30 тыс. чел проживают на юге и в центре Израиля.

Одним из наиболее выразительных символов культуры курдистанских евреев является праздник Сехаране¹. Праздник, возникший под влиянием курдской культуры, но в рамках еврейских памятных дат, играет роль маркера, отличающего курдистанских евреев от евреев Марокко, Ирака, Ирана и Турции. Сейчас празднование Сехаране воспринимается курдистанскими евреями как способ сохранения своей идентичности². прежде всего перед лицом других общин восточных евреев-*мизрахим*.

Многодневный праздник природы Сехаране отмечался курдистанскими евреями Иракского Курдистана после последнего дня Пейсаха. Несмотря на то, что праздник не является религиозным, его сопровождают религиозные ритуалы: к нему приурочены специальные молитвы и внесение нового свитка Торы в синагогу.

---

¹ Встречается написание Saharanei (ивр. סהרנאי).

² Здесь уместно провести аналогию не только с самим праздником Навруз у курдов, но и его идеологической окраской в среде курдов Турции и Сирии, которые праздновали Навруз в отсутствие на то разрешения властей. Празднование Навруза воспринимается и как самоидентичность, и как символ национально-освободительного движения, борьбы за права народа.

С момента своего приезда в Израиль в начале 1950-х гг. и до 1972 г. курдистанские евреи не праздновали Сехаране из-за сложностей адаптации на новом месте, тяжелого положения эмигрантов и государственной политики “плавильного котла”. Возрождение праздника было связано с провалом политики унификации и возрождением интереса к своим культурным и этническим корням. Празднование курдистанского Сехаране, эфиопского Сигда и Мимуны – праздника более крупной общины – марокканских евреев, стали первым выражением этих процессов.

СЕКЦИЯ «НОВАЯ И НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ, ПОЛИТИКА, ИДЕОЛОГИЯ»

В. Г. Шишкин

Новосибирский государственный технический университет, Новосибирск

Деятельность Royal Dutch Shell в Китае в 1940–1960-х годах

Выход на рынок Китая европейских топливных фирм произошел на рубеже XIX–XX вв. и был связан с разработкой нефтяных месторождений и спросом на керосин в азиатском регионе [Shell History...]. Гибкая политика позволила Royal Dutch Shell активно работать на китайском рынке в межвоенный период [Van der Putten, 2001. P. 77–150]. Проведенная после Второй мировой войны реорганизация помогла компании приспособиться к новой ситуации в регионе. Даже после провозглашения КНР в 1949 г. Royal Dutch Shell продолжила работу на китайском рынке, который привлекал масштабами и перспективой открытия месторождений нефти. Однако серьезные политические и экономические сдвиги в КНР привели к тому, что компания свернула деятельность в 1966 г. в материковом Китае и переориентировалась на Гонконг, где быстрый экономический рост способствовал спросу на ее продукцию и услуги [Looking to...]. Таким образом, в первые послевоенные десятилетия Royal Dutch Shell в целом успешно адаптировалась к меняющемуся социально-экономическому ландшафту Китая.

Список литературы

Looking to the Long Term – The Story of Shell in China.
https://www.shell.com.cn/en_cn/about-us/who-we-are/shell-history-in-china/_jcr_content/par/textimage.stream/1468531404098/71ba96f4fb7485cc77b

7c388e7b015b5f330c699a976f6a99b5e57fac91cb601/shell-story2004.pdf (дата обращения: 25 August 2021). (на англ. яз.).

Shell History in China. https://www.shell.com.cn/en_cn/about-us/who-we-are/shell-history-in-china.html (дата обращения: 25 August 2021). (на англ. яз.)

Van der Putten F.-P. Dutch Companies in China 1903–1941. Leiden University. 2001. 290 p. (на англ. яз.)

М. А. Кузовков

Новосибирский государственный университет, Новосибирск

«Новый период Сакоку»: политика коронавирусных ограничений по отношению к иностранным резидентам в Японии

Пандемия новой коронавирусной инфекции нанесла колоссальный урон мировой экономике и подвергла человечество испытанию на прочность. Под удар вируса попало в том числе японское государство. Кабинет Министров проводит довольно либеральную политику внутри страны, делая акцент на самосознание населения, принимает меры для предупреждения экономического кризиса [Белов, Тихоцкая, 2020. С. 18–19].

На протяжении эпидемии границы страны оставались закрытыми для въезда большинства иностранцев. Исключением стал небольшой промежуток с октября по декабрь 2020 г. – при этом въезжающим полагалось строго соблюдать карантинные ограничения (2-х недельный карантин, ограничения по передвижению и т. д.). В конце декабря 2020 г. появление британского штамма вынудило правительство приостановить выдачу виз и приостановить въездной поток.

С течением времени ситуация оставалась неизменной, в связи с чем в мае 2021 г. группа иностранных студентов провела пресс-конференцию в онлайн-режиме, где обратилась к японскому правительству с просьбой ослабить ограничения. По разным оценкам около 27 тыс. студентов из разных стран до сих пор ожидают своей возможности на въезд.

Вероятно, такая политика, прежде всего, направлена на защиту японских граждан, однако если такие жесткие меры продолжают сохраняться, Япония может утратить доверие и интерес иностранных студентов и работников, что обесценит успехи последних лет.

Список литературы

Белов А. В., Тихоцкая И. С. Первая волна пандемии COVID-19 в Японии: социальные и экономические аспекты // *Азия и Африка сегодня*, 2020.

А. В. Филиппов

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург

Тенденции в развитии историографии Японии в середине XIX – начале XXI века (учебники и обзорные монографии на русском и английском языках)

В предлагаемом обзоре оставим в стороне компилятивные (хотя и бесценные) ранние издания по Японии. Они появлялись в России с 1734 по 1855 г. (от Космографий XVII в. и Степана Коровина Синбиренина с Иваном Горлицким до впечатляющего 3-томника «путешествия по Японии Филиппа Франца фон Зибольда», дополненной материалами почти десятка иных авторов). Заметим, что и в Европе представления о Стране Восходящего Солнца поначалу также опирались на данные людей торговых и путешественников (от Марко Поло до Жана Батиста Тавернье, по мотивам описаний коего вероятно был создан опус Коровина Синбиренина с Горлицким). И в Европе, и в России творческая компиляция-составление подобных трудов – вели к прогрессу, толкали к поиску новых знаний о «краях неведомых». Авторам ранних изданий нередко приходилось давать волю бурному полёту фантазии наряду с привлечением малодоступного материала (кто-то где-то слышал или упоминал). Точных указаний, откуда в книге взяты некоторые данные – обычно не приводили. Вместе с тем, труд автора-составителя был делом необычайно кропотливым и ответственным. Появление в свет страноведческого издания по истории, культуре и географии порою определяло представления читающей публики о Японии на десятки лет (в отдельных случаях – и на сотни).

Цель предлагаемого обзора – анализ перемен в литературе, к которым привели «открытие Японии» для иностранцев в середине XIX в., а затем новые научные и методологические трансформации жанра изданий первой

половины XX в. (рассмотрим на примере книг, где история Японии изложена в целом). В книгах англоязычных и на русском языке «тенденции перемен» оказывались весьма сходными. Для начала, в отличие от старинных трудов – свершился переход к появлению трудов «подлинно авторских», да еще и при опоре на личный «полевой опыт». Первые подлинно научные издания тех лет изобилуют данными по персоналиям – описаниями деяний знаковых исторических деятелей. В случае с английским языком – следует упомянуть впечатляющий объёмом однотомник Фрэнка Бринкли (1912 г.) и ещё более грандиозный трёхтомник Джеймса Мёрдока (увидевший свет в 1903–1926 гг.). На русском языке – прежде всего фундаментальный «Очерк истории Японии» В. Я. Костылева 1888 г., изобилующий данными исторических источников. За плечами каждого из авторов был практический опыт пребывания в Японии, часто длительный и связанный с дипломатической, журналистской и иной деятельностью. Сказанного достаточно, чтобы оценить глубину и значение этих первых научных изданий по истории Японии.

Движение политической истории нередко оказывалось мощным стимулом к появлению новых изданий о стране. Для России одним таким стимулом оказалась русско-японская война 1904–1905 гг. Другим поводом к активизации «публикационной активности» стали сперва японская интервенция на советском Дальнем Востоке, а затем в 30-х гг. XX в. – агрессивные планы Японии в отношении Китая и Маньчжурии (включая инциденты на оз. Хасан и р. Халхин-Гол). Публикации были массовыми, часто политически и идеологически ангажированными, но при том отличались необычайной живостью речи и постановки вопросов. Впрочем, специфику во многом предопределяло и разнообразие малых форм и жанров (от агитационных плакатов, карикатур, листовок – до научных изданий, безусловно идеологически выдержанных в полном соответствии

духу времен). В рамках поставленной темы затруднительно проводить параллели касательно появившихся изданий по истории Японии в целом. Однако отметим, что для японоведения США это оказался значимый период становления самой этой научной дисциплины – усилиями Эдвина Рэйшауэра и Сержа Елисеева. Для японоведения советского (невзирая на значимую утрату квалифицированных кадров из-за репрессий) – временем становления марксистского японоведения. Более того, благодаря «решениям партии и правительства», произошло выделение истории Японии в самостоятельную научную дисциплину. На этом фоне в 1939 г. увидела свет книга Е. М. Жукова «История Японии. Краткий очерк». Как первое последовательное изложение японской истории в преломлении марксистской методологии – книга стала основным учебником по истории этой страны для множества поколений японоведов (как минимум, до конца 1960-х гг.).

Вторая половина XX в. (1940–1980 гг.) принесла заметное новшество – произошёл переход к проблемному подходу при подготовке монографических исследований. Среди книг на русском языке, полномасштабно излагающих японскую историю – особенно важным стало, пожалуй, появление в 1968 г. компактной по объёму, но впечатляюще доходчивой по изложению книги Х. Т. Эйдуса «История Японии с древнейших времен до наших дней». Проблемный подход вкупе с ориентиром на региональные исследования (соответственно духу времени) – воплотился и в выдающемся двухтомнике Э. Рэйшауэра (с соавторами). Это «Восточная Азия» (т. 1, Великая традиция; т. 2 Современная трансформация), 1958 и 1965 гг. издания. Проблемный подход ощутим и в знаковом трёхтомнике Джорджа Сэнсома «История Японии» (1958, 1961, 1963 гг.).

В 1980–1990 гг. усиливается тенденция подготовки фундаментальных изданий коллективом авторов того или иного научного учреждения.

Наиболее грандиозный проект на английском языке – это Кембриджская история Японии в 6 томах, изданная в 1989–1999 гг. На русском языке (пусть и в двухтомной форме) – подобный замысел нашел воплощение в «Истории Японии» 1998 г., подготовленной усилиями Института Востоковедения и Ассоциации японоведов. Весьма перекликаются с такими работами и учебники по истории стран Азии и Африки (ИСАА), выходящие в Московском и Ленинградском университетах, в других учебных заведениях. Впрочем, таковые учебники обычно касались не истории в целом, а лишь отдельных периодов – средние века, новое, новейшее время и т. п.

Начало XXI в. выявило тенденцию к появлению коллективных монографий авторов сразу нескольких научных учреждений. Это и работы под редакцией А. Н. Мещерякова, и «История Японии» под редакцией Д. В. Стрельцова 2015 г. Своеобразным дополнением последнего учебника можно считать издание под его же редакцией в 2020 г. – «Японии в эпоху великих трансформаций». Хотя в ней не излагается история Японии на всем ее протяжении, зато убедительно представлены различные ракурсы эволюции страны на протяжении последних полутора веков. Завершая данный краткий обзор историографии по Японии – отметим, что на протяжении XX в. подходы к подготовке общих обзорных трудов по истории Японии существенно видоизменились.

Н. В. Григорьева

НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург

Сухопутная граница между Китаем и Вьетнамом: история формирования и практика функционирования¹

До конца XIX в. официальная демаркация границ между Китаем и Вьетнамом не проводилась; первые документы, закрепившие принципы делимитации территорий двух стран, относятся ко времени французской колонизации Индокитая – Тяньцзиньский франко-китайский договор о мире, дружбе и торговле 1885 г. и дополнительные конвенции 1887 и 1895 гг. [Treaties, Conventions, etc., ..., 1917. 901–945 pp.]. После освобождения Вьетнама от колониальной зависимости между КНР и ДРВ была достигнута договоренность о делимитации на основе ранее заключенных соглашений – по сути, на основе принципа *uti possidetis* (от лат. *uti possidetis, ita possideatis* «как владеете, так и владейте»). Однако нечеткость формулировок франко-китайских соглашений конца XIX в. послужила причиной возникновения споров и конфликтных ситуаций как вдоль сухопутной границы, так и в акватории Южно-Китайского моря.

В докладе будет представлен анализ проблем, связанных с делимитацией территорий и водных пространств Вьетнама и Китая на рубеже XX–XXI вв., а также специфики современного функционирования государственной границы между двумя странами.

Список литературы

Treaties, Conventions, etc., Between China and Foreign States. Shanghai: Statistical Department of the Inspectorate General of Customs, 1917.

---

¹ Исследование выполнено за счет гранта РФФИ №20-59-92001.

Е. Н. Емельченкова

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург

Становление таможенной службы в Китае (XIX–XX вв.)

В докладе прослеживается эволюция таможенных органов Китая с конца Цин до современного периода. История таможни Китая XIX–XX вв. довольно хорошо описана в западной литературе, поскольку эта служба как правительственное агентство по централизованному сбору пошлин и налогов на товары, провозимые через китайскую границу, была создана силами иностранных консулов в 1854 г., просуществовала почти 100 лет и имела ряд функций, несвойственных современной таможне. До 1929 г. ее аппарат комплектовался преимущественно иностранцами [Hans, 2014].

Следующая кардинальная реформа таможенной системы имела место сразу после образования КНР. Уже в октябре 1949 г. было создано Главное таможенное управление, ориентировавшееся на структуру и задачи таможенных органов СССР, были приняты нормативные документы, обеспечивавшие деятельность по реализации таможенной политики страны [Чэнь, 2002].

В докладе прослеживаются все этапы строительства современной таможенной системы КНР с особым вниманием к специфике нормативной базы, формировавшейся в условиях строительства социализма, а также реструктуризации службы и пересмотром философии управления системой таможенного контроля. Информационные технологии, активно внедряемые органами госуправления КНР, позволяют собирать и обрабатывать данные о хозяйственной деятельности участников ВЭД, способствуя переходу от контроля за движением товаров к управлению лицами, эти товары декларирующими.

Список литературы

Van de Ven Hans. Breaking with the Past: The Maritime Customs Service and the Global Origins of Modernity in China. Columbia University Press, 2014. 396 p. (на англ. яз.)

Чэнь Шици. Чжунго цзиньдай хайгуань ши [陈诗启 中国近代海关史]. История современной таможенной службы в Китае. Жэньминь чубаньшэ, 2002. 948 с. (на кит. яз.)

М. А. Бартаханова

Варшавский университет, Варшава

***Ex facto oritur jus.* Экономическая экспансия США в Китае и дипломатическое противостояние с Россией и европейскими державами в конце XIX века**

Известно, что Испано-американская война 1898 г. ознаменовала собой начало американской экспансии колониального характера в Тихоокеанском регионе. Однако, такое продвижение Северо-Американских Соединенных Штатов не представляется возможным без определенных решений, принятых американским правительством в 30-х гг. XIX в. В частности, в 1837 г. президент Эндрю Джонсон представил программу «великого флота» — военного и торгового. В 1841 г. правительство вигов, состоящее в основном из промышленников Севера, разработало программу развития военно-морского флота, уделив особенное внимание контингентам в Тихом и Индийском океане. Как заявил еще в 1853 г. влиятельный американский политик Уильям Генри Сьюард, народы Азии будут «пробуждены» исключительно Америкой [Dennet, 1922. P. 47]. По мнению Фредерика Банкрофта, именно стараниями Сьюарда удалось включить часть Китая в зону влияния САСШ [Dennet, 1922. P. 48]. Кроме того, во время службы на посту госсекретаря в 1861–1869 гг. Сьюард убедил Конгресс аннексировать острова Мидуэй и приобрести Аляску у России в 1867 г.

В цинском Китае американские торговые компании действовали наряду с такими игроками, как Япония, Англия, Россия, Франция и Германия, поэтому уровень конкуренции оставался высоким. После получения Россией концессии на строительство железной дороги (КВЖД) и постройки Харбина как торгового центра иностранный капитал устремился в Маньчжурию. Российские консулы в Харбине и Мукдене, уделявшие пристальное внимание рыночной ситуации, отмечали

активность американцев, видя в них соперников в деле продвижения российских торгово-экономических интересов [см.: Донесения императорских российских..., 1917.].

Тем не менее, во время конфликтов с китайскими властями представители западных держав зачастую объединялись с целью достижения приемлемого для всех участников рынка результата. Показателен случай такого сотрудничества, описанный торговыми представителями России в Маньчжурии. В 1909–1910 гг. Цинская администрация запретила экспорт зерна из Северной Маньчжурии, в том числе знаменитого маньчжурского боба, что привело к значительным убыткам российских, британских, японских, американских и немецких компаний. Представители торгового истеблишмента этих стран собрались в Харбинской бирже, где был составлен совместный протест, который был позже вручен китайским властям [Промышленность и торговля, Орган Совета..., 1910. С. 276]. Таким образом, конкурирующие стороны проявляли способность к кооперации в форс-мажорных обстоятельствах.

Вхождение России в войну с Германией привело к дефициту в Китае товаров, традиционно ввозимых немецкими фирмами. Образовавшуюся нишу быстро заняли американские поставщики [Донесения императорских российских..., 1917. С. 68–69]. Американские предприниматели демонстрировали гибкость и скорость реагирования, и, что немаловажно, располагали капиталом, что позволяло им опережать конкурентов в лице Японии и России, а также европейских держав.

Американская дипломатия старалась всемерно защищать экономические интересы страны. После длительных переговоров американская сторона присоединилась к тройственному союзу Англии, Франции и Германии, ведущему переговоры о предоставлении Китаю займа на строительство железной дороги в провинции Хугуан. В мае-июне 1910 г. все четыре участника банковского консорциума ратифицировали

соглашение, и Китай предоставил западным странам возможность активно действовать в маньчжурских провинциях в обмен на заём в размере 6 млн фунтов стерлингов. Как считал Н. Ленский, решение было во многом принято под влиянием американского консула [Ленский, 1915. С. 66]. Важно отметить, что на вхождении американских банкиров в консорциум настаивал лично президент Уильям Тафт, обратившись напрямую к принцу-регенту Чуню (Цзайфэну) [Hodge, 2007. P. 104].

Несмотря на видимые успехи, деятельность американских дипломатов и торговых эмиссаров в указанный период оценивается историками неоднозначно. Майкл Хант полагал, что американское правительство придерживалось с 1890-х до 1920-х гг. политики «пассивных открытых дверей», не прилагая значительных усилий для улучшения условий для американской торговой экспансии в Китае. По оценке Ханта, консульская служба и дипломатическая работа были недостаточно развиты в указанный период [Hunt, 1977. 298–299 pp.], что могло вызывать нарекания со стороны коммерческих сообществ и торговых организаций.

Проанализировав ряд документов и доступную дипломатическую переписку, можно прийти к заключению, что в исследуемый период экономическая политика и дипломатия неразделимы. Действуя решительно и слаженно, представители власти и торгового капитала сумели значительно усилить позиции САСШ в Китае. В то же время не следует забывать и об идеологических предпосылках американской экспансии в Китае. Ситуативные союзы с западными державами не нарушали основных постулатов американской политики в Азии. Торговля на долгие годы стала удобным инструментом экспансии, позволяя американской элите распространять свое влияние, не вступая в вооруженные конфликты. Так из факта возникало право, и из взаимных противоречий держав извлекалась выгода для американских финансовых и политических элит.

Список литературы

Донесения императорских российских консульских представителей за границей по торгово-промышленным вопросам. Китай, Харбин. № 13, 1917. Петроград, 1917. 94 с.

Ленский Н. Дальневосточный конфликт и задачи русской политики. Ред. Чиркин Г. Ф., Гаврилов Н. А. Вопросы колонизации. Сборник статей. Петроград, 1915, № 17, с. 52–76.

Промышленность и торговля, Орган Совета Съездов Представителей Промышленности и Торговли. III год издания. Т. V, СПб., 1910. Январь – июнь. С. 276.

Tyler Dennett, Seward's Far Eastern Policy // The American Historical Review, 1922. Октябрь. Т. 28. № 1. С. 45–62.

Michael H. Hunt Americans in the China Market: Economic Opportunities and Economic Nationalism, 1890s–1931 // The Business History Review. Autumn, 1977. Vol. 51, No. 3. The President and Fellows of Harvard College. С. 277–307.

Carl C. Hodge (Ed.), Cathal J. Nolan (Ed.). U.S. Presidents and Foreign Policy: From 1789 to the Present. Santa Barbara, 2007. 474 с.

А. Л. Верченко

Институт Дальнего Востока РАН, Москва

**Об особенностях начального этапа советско-китайского
сотрудничества в документальном кино**

В международном сотрудничестве помимо профессиональных навыков его участников присутствуют разнообразные факторы, оказывающие влияние на ход и конечный результат. Примером может служить взаимодействие советских и китайских документалистов на съемках документальных фильмов: «Победа китайского народа» и «Освобожденный Китай» (1950 г).

Работа над фильмами, исходя из их политической важности, была поручена известным советским сценаристам, писателям, режиссерам, операторам. Будучи прекрасными специалистами в своем деле, кинодокументалисты впервые попали в неизвестный им Китай и оказались «на другой планете». Несмотря на дружественное отношение со стороны китайских коллег, они испытали потребность в социально-психологической адаптации: отличный от привычного стиль и режим работы, другая кухня, иные бытовые условия, другие стереотипы поведения, контрасты в жизни Китая, многочисленность населения. То, что казалось необычным и интересным нашим операторам, для китайцев было будничным и не являлось достойным объектом съемки. Недостаточность знаний местных особенностей. Другой климат, который не выдерживала даже техника. Стремительные марш броски с подразделениями китайской армии по горной и трудно проходимой местности с кинооборудованием. Другой язык. Никто из съемочной группы не говорил по-китайски. В Китае в то время переводчиков катастрофически не хватало. Кроме того, советские съемочные группы должны были работать в строгом соответствии с директивами ЦК КПК,

ведь фильмам придавалось огромное воспитательное, пропагандистское и информационное значение. Согласование китайского и русского текстов.

Первый опыт показал возможность установления успешного двустороннего сотрудничества – оба фильма были сняты в кратчайшие сроки и показаны как в СССР, так в и КНР.

И. Е. Пожилов

Институт Дальнего Востока РАН, Москва

Фу Боцуй: 20 лет не с КПК, не с Гоминьданом

«Фуцзяньский господин», как называл Фу Боцуй (1895–1993) Мао Цзэдун своего товарища по партии, принадлежал к богатому и влиятельнейшему клану Западной Фуцзяни, имел блестящее образование (университет Васэда в Токио, сотрудничество с крупным мыслителем-социалистом Японии начала XX в. Мусякодзи Санэацу), пользовался искренним почитанием не только среди земляков, но и в массах за пределами родного края, будучи партийным руководителем всего-навсего уездного звена. Мятущийся, сомневающийся и противоречивый в идейных пристрастиях, «человек-легенда революции», как нарекли его потомки, тем не менее всегда оставался последовательным сторонником народовластия и демократии, гуманизма и справедливости, свободы личности и общества [Яо Диншэн, 1995. С. 5–6].

Пропагандируя среди крестьянства свои идеалы и в подтверждение высоких слов раздав крестьянам собственные земли, Фу Боцуй выступил непримиримым оппонентом «большевистского коммунизма», насаждаемого сталинской кликой в КПК, в свою очередь обвинившей «крестьянского вождя» с его доктриной «новой деревни» (взаимопомощь, совместный и всеобщий труд, равный доступ к родовому достоянию, стирание классовых различий и др.), реализованной в коммуне на малой родине, в «контрреволюционных поползновениях» [Сунь Сяньян, 2009. С. 44–45].

Движение Фу Боцуй и его последователей по «третьему пути вне КПК и Гоминьдана» продолжалось ровно 20 последующих лет, вплоть до победы коммунистов в 1949 г.

Список литературы

Сунь Сянъян. Гэмин цижэнь Фу Боцуй дэ фэньюй жэньшэн [孙向阳。革命奇人傅柏翠的风雨人生]. Жизнь и судьба человека-легенды революции Фу Боцуй // Данши цзунлань [党史纵览]. 2009. № 2. С. 42–46. (на кит. яз.)

Яо Диншэн. Цюйчжэ цянь баньшэн – Фу Боцуй чжуань [姚鼎生。曲折前半生 – 傅柏翠传]. Биография Фу Боцуй: извилистая первая половина жизни. Пекин: Чжунгун данши чубаньшэ, 1995. 285 с. (на кит. яз.)

Д. В. Стрельцов

*Московский Государственный Институт Международных Отношений,
Москва*

«Исторические войны» в Восточной Азии³

В докладе рассматривается феномен «исторических войн» между Китаем и Республикой Корея, с одной стороны, и Японией, с другой, которые вспыхнули после холодной войны вокруг исторической интерпретации экспансионистской политики Японии на материке, особенно в период Второй мировой войны [Duus, 2017]. Докладчик ставит перед собой цель изучить истоки, этические и политические основы «исторических войн», в частности, в контексте коллективной памяти о Второй мировой войне и национальной идентичности в трех странах.

Южная Корея и Китай воспринимают весь период империалистической экспансии Японии во второй половине XIX – первой половине XX вв. через призму отношений между жертвой и преступником, регулярно совершавшим против них агрессию [Перминова, 2020. Moore, 2010. Wawrzyński, 2013]. С японской же точки зрения, исторический опыт страны на этом этапе следует рассматривать в рамках конфликта между Японией и Западом за региональную гегемонию в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Восточная Азия выступает здесь не предметом или субъектом истории, а, скорее, дополнительным элементом истории взаимоотношений Японии и Запада. Политика на материке хотя и считается «ошибочной», но не подвергается безусловному осуждению на том основании, что в тот период подобным образом действовали все империалистические государства, ставшие победителями во Второй мировой войне [Ja-hyun Chun, 2016].

---

³ Исследование выполнено за счет гранта РФФ №19-18-00017

Особое внимание в рамках этого взгляда уделяется последним полутора годам Второй мировой войны, когда территория Японии стала подвергаться массированным воздушным ударам США, и прежде всего атомным бомбардировкам Хиросимы и Нагасаки. В послевоенной Японии возник национальный дискурс виктимности в рамках которого японский народ был жертвой милитаристской клики, а своими страданиями в завершающий период войны он смыл с себя историческую вину за «ошибки прошлого». В заключение делается вывод о том, что «исторические войны» являются постоянным источником сильной напряженности в международных отношениях региона.

Список литературы

Перминова В. А. Память о войне в Китае и ее влияние на современные японо-китайские отношения // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2020. Т. 11. Выпуск 12 (98). Часть I. URL: <https://history.jes.su/s207987840010292-0-1/> (дата обращения: 07.08.2021).

Duus P. Introduction: History Wars in Postwar East Asia, 1945–2014. ‘History Wars’ and Reconciliation in Japan and Korea. The Roles of Historians, Artists and Activists. Ed. by M. Lewis. NY, Palgrave Macmillan US, 2017, pp. 1–16.

Ja-hyun Chun, Young Chul Cho. Different Historical Prisms and Regressive Political Reconciliation in Northeast Asia. *Journal of Asia-Pacific Studies*, 2016, vol. 23, no. 3, pp. 71–107.

Moore G. History, Nationalism and Face in Sino-Japanese Relations. *Journal of Chinese Political Science*, 2010, vol.15, pp. 283–306.

Wawrzyński P. Politics of memory and cooperation in East Asia: the remembrance of the Second World War and Chinese-Japanese relations in the 21st Century. *Dilemmas of Contemporary Asia. Deliberations on Politics*. Ed. by J. Marszałek-Kawa. Toruń, Wydawnictwo Adam Marszałek, 2013, pp. 149–171.

Е. У. Ким

ЦКИ ИДВ РАН, Москва

**Проблема передачи оперативного командования вооруженными
силами РК самой Южной Корее**

Во время Корейской войны 1950–1953 гг. правительство Южной Кореи передало командование своими войсками Командованию войск ООН в лице войск США. Через неделю после подписания 27 июля 1953 г. Соглашения о перемирии, положившее конец военным действиям и предусматривавшее в течение полугода решение вопроса о выводе всех иностранных войск с территории полуострова, США и Республика Корея подписали бессрочный договор о взаимной обороне, по которому американские войска получили право на условиях экстерриториальности находиться на территории Республики Корея. При этом также было сохранено соглашение о стратегическом и оперативном командовании войсками РК командованием войск США в Корее.

Превращение Южной Кореи в во второй половине 80-х гг. XX в. в среднеразвитую, а в 90-е гг. в высокоразвитую страну, создание мощного военно-промышленного комплекса и современных видов вооружения, и начало участия войск Южной Кореи в миротворческих операциях по линии ООН поставило вопрос о более самостоятельной роли самой Южной Кореи хотя бы в оперативном командовании своими войсками. В 1995 г. по предложению бывшего в то время президента РК Ким Ен Сама было подписано соглашение передаче оперативного командования войсками РК самой Южной Корее в мирное время. В 2005 г. при президенте Но Му Хене было подписано соглашение о передаче оперативного командования и в мирной время. При этом предусматривалось, что весь процесс завершится в 2012 г.

Пришедшие к власти представители консерваторов президенты Ли Мен Бак и Пак Кын Хе перенесли на начало 20-х гг. Вступивший в должность в мае 2017 г. президент Мун Чжэ Ин в плане госуправления на период своих полномочий предусмотрел завершение передачи командования до конца своего правления [План государственного управления..., 2017. Цель 5, задача 85]. В 2017 г. был составлен совместный США и РК план передачи оперативного командования и будущей координации сотрудничества США и РК в военно-стратегическом и оперативном областях [Defense White Paper, 2021. с. 211–214]. Ситуация такова, что до мая следующего года передача оперативного командования не состоится В докладе выявляются причины невыполнения данного плана.

Список литературы

새 정부 5년의 국정운영 계획 [Se чонбу 5 нен-ы гукчжон унен гехвек]. План государственного управления нового правительства. 19 июля 2017 г. <https://www1.president.go.kr/government-projects#page5> (дата обращения: 25.08.2021).

2020 Defense White Paper. Seoul, 2021. 442 с.

СЕКЦИЯ «ЛИТЕРАТУРА, ЯЗЫКОЗНАНИЕ, ПРЕПОДАВАНИЕ ВОСТОЧНЫХ ЯЗЫКОВ»

Л. В. Кирюхина

Иркутский государственный университет, Иркутск

Междометие в грамматической теории Ма Цзяньчжуна

Междометия представляют собой особый класс слов, внимание к изучению которого уже уделялось китайскими учеными традиционного периода китайского языкознания. Так, в первом словаре служебных слов Лу Ивэя разбираются и несколько междометий.

В первой китайской грамматике «Ма ши вэнь тун» 叹字 *таньцзы* ‘междометия’ отнесены к 虚字 *сюйцзы* «служебным словам». Ма Цзяньчжун отмечает следующие особенности междометий:

其发而为叹美、为伤痛者，或音同而字异，或字同而情变，所谓随事见情，因声拟字，不可拘也。[Ма Цзяньчжун, 2010. С. 391]. *Их произносят для выражения восторга или печали; одинаковое произношение может быть записано разными словами, а одинаковые слова могут передавать различные эмоции, то есть выражаемые эмоции можно понять по контексту; согласно произносимому звуку подбирается слово; междометия не связаны в предложении с другими словами.*

Наиболее распространённое положение междометий – в начале предложения, однако они могут употребляться и в середине, а некоторые и в конце предложения. Структурно междометия могут состоять из 1–3 слогов.

Ма Цзяньчжун при построении своей грамматической теории в целом (и междометий среди других частей речи в частности) был вынужден в значительной мере опираться на синтаксические возможности лексических

единиц, что обусловлено типологическими особенностями китайского языка. На этом основываются и грамматические подходы отдельных современных авторов (Син Фуи, Го Жуя, и др.). В терминологическом плане Ма Цзяньчжун выдерживает единообразие, используя 字 *цзы* «слово» для обозначения частеречной категории, а элемент 叹 *тань* «вздохнуть» заимствует из работ своих предшественников.

Список литературы

Ма Цзяньчжун. Ма ши вэнь тун [马建忠。马氏文通]. Грамматика Ма Цзяньчжуна. Пекин: Шаньбу иншугуань, 2010. 473 с. (на кит. яз.).

О. Ю. Родионова

Иркутский государственный университет, Иркутск

Технологизация высшего образования в России и Китае

В образовательном процессе России и Китая пристальное внимание уделяется именно технологическому подходу, а технологизация высшего образования становится неотъемлемым атрибутом совершенствования образовательного процесса, гарантом его прогрессивности и продуктивности [Толстова, 2016. С. 52].

Правительства обеих стран осознают, что применение образовательных технологий способствует улучшению образовательной эффективности и имеет большие возможности для развития системы образования в целом, технологический подход открывает новые возможности для концептуального и проектировочного освоения различных областей и аспектов образовательной, педагогической и социальной действительности [Ли Кетон, 2014. С. 14].

Образовательная технология предполагает воплощение идеи полной управляемости учебным процессом, ключевым показателем которой является воспроизводимость, предполагающая возможность применения ее в других дисциплинах, образовательных учреждениях и с другими субъектами образовательного процесса. Следовательно, выйти на технологический уровень – значит выйти на уровень операционный, когда научно обосновываются производимые операции для получения результата [Щуркова, 2017. С. 26].

Список литературы

Толстова О. С. Педагогические технологии: учебное пособие. Кинель: РИО СГСХА, 2016. Ч.1. 131 с. (на рус. яз.)

Щуркова Н. Е. Педагогические технологии: учеб. пособие для академического бакалавриата / 3-е изд., испр. и доп. Москва: Издательство Юрайт, 2017. 232 с. (на рус. яз.)

Ли Кетон. Методы исследования образовательных технологий [李克顿。 教育技术研究方法]. Пекин: Издательство Пекинского педагогического университета, 2014. С. 14. (на кит. яз.)

Н. В. Кутафьева

Новосибирский государственный университет, Новосибирск

**Различия в китайской и русской лингвокультурах на примере
зооморфной метафоры «пантера»**

Зооморфная метафора является одним из компонентов национальной языковой картины мира и дает характеристику человека с позиций носителя данной языковой ментальности. Содержание зооморфной метафоры может быть тождественным, пересекаться или совершенно различаться в различных лингвокультурах. При проведении ассоциативного эксперимента, связанного с использованием зооморфной метафоры «пантера» для характеристики русских, среди русских и китайских студентов были выявлены существенные различия.

В русской лингвокультуре пантера, прежде всего, ассоциируется с произведением Р. Киплинга «Книга джунглей», т. е. с конкретным животным, а именно с черной пантерой. Причем в оригинале пантера – самец, в русском переводе пантера – самка, что влечет за собой образование псевдосемьи, в которой есть отец (медведь Балу), мать (пантера Багира) и сын (Маугли). Кроме того, пантера выступает как символ красоты, грациозности и элегантности [Чудинов, 2001. С. 138].

В китайской лингвокультуре пантера воспринимается совершенно по-другому. Обычно пантеру связывают с тигром при общей ассоциации – скорость, быстрота, что является положительными чертами, отрицательные черты – хищные звери, злодеи [Лю Гуанчжун, 1999. С. 237]. Мы выяснили, что пантера – это родовое наименование, которое включает следующие виды: тигр, лев, леопард, ягуар, ирбис. Китайцы представляют русских как быструю, мощную и умную 豹**bào** «пантеру» без уточнения вида, которыми могут быть следующие: 花豹 *huā bào* 'panthera pardus (леопард)', 美洲豹 *měizhōu bào* 'panthera onca (ягуар)',

雪豹 *xiěbào* 'panthera uncia (ирбис)', 黑豹 *hēi bào* (несамостоятельный вид, ягуар, черная пантера). Таким образом, главное отличие состоит в том, что китайцы используют родо-видовые понятия, а русские – видовое понятие используют в качестве родового.

Список литературы

Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000). Дис. ...канд. филол. наук, Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2001. 238 с. (на рус. яз.)

Лю Гуанчжун. Эхань юйянь вэньхуа юй сису таньтао [刘光准。俄汉语言文化与习俗探讨]. Исследование лингвокультуры и обычаев в русском и китайском языках. Пекин: Вайюй цзяосюэ юй яньцзю чубаньшэ, 1999. 231 с. (на кит. яз.)

Н. В. Селезнева

Новосибирский государственный технический университет, Новосибирск

«Китайский +» в рамках инициативы Пояса и Пути

Концепции стратегического развития Институтов Конфуция предполагают не только решение проблем, накопившихся за период экстенсивного роста сети, но и различные рекомендации по оптимизации размещения Институтов Конфуция для нужд китайской дипломатии, ключевым пунктом которой является наращивание числа Институтов Конфуция в странах, примыкающих к Поясу и Пути, и в развивающихся странах.

Столь пристальное внимание к Институтам Конфуция, расположенным в странах Пояса и Пути и странах, примыкающих к инициативе, вполне очевидно, поскольку Китаю для строительства Пояса и Пути, поддержания и обслуживания инфраструктуры потребуются соответствующие специалисты со знанием китайского языка. Именно поэтому китайские эксперты рекомендуют продвигать в странах Пояса и Пути обучение китайскому языку по программе «Китайский+», предполагающее освоение не только китайского языка, но и определенных компетенций, в частности по линии профессионального образования, а также активному сотрудничеству с предприятиями в плане переводов и подготовки специалистов. Так, в Институте Конфуция Таиланда начаты курсы по подготовке железнодорожников со знанием китайского, в Украине – специалистов авиационной отрасли, в Белоруссии – специалистов для совместного китайско-белорусского технопарка, в Венгрии – для туристической отрасли.

Интерес Китая к евразийскому образовательному пространству будет возрастать с каждым годом, что будет сопровождаться расширением базы Институтов Конфуция (и других китайских языковых и культурных

центров и организаций в регионе), а также усилением уже созданных с целью подготовки местных профильных специалистов со знанием китайского языка.

С. Яо

Новосибирский государственный университет, Новосибирск

Преимущества видеоформата в аудировании и говорении в рамках преподавания китайского языка

Работа с видеоматериалами является одним из наиболее эффективных способов обучения китайскому языку как иностранному: художественные и документальные фильмы, мультфильмы, новости, телепередачи, телешоу, рекламные ролики, – все это может послужить отличным материалом для составления заданий по КЯ. Аутентичные видеоматериалы являются ценным источником сведений о культуре поведения носителей языка в повседневной жизни, а также обладают значительной страноведческой и социокультурной информацией. Просматривая видеоматериалы, студенты не только повышают уровень своего китайского языка в целом, но и запоминают модели поведения, традиции и обычаи, принятые в китайской среде.

С видеоматериалами можно работать с самого начального уровня владения китайским языком и до продвинутого. Все зависит от типа и сложности исходного материала. Я работаю с русскими студентами, обучающимися в НГУ в бакалавриате по программе «Востоковедение и африканистика». Это студенты, которые по окончании нашего курса сдали экзамен Госэкзамен, HSK5 и HSKK среднего уровня. Целью наших занятий как раз и была подготовка к этому экзамену и Госэкзамену. Но если по разделам «чтение», «лексика», «грамматика», «письмо» у нас были очень хорошие учебные пособия и готовые материалы, то по разделу «аудирование» таких материалов не хватало. Это и мотивировало меня к созданию собственных аудиовизуальных материалов для обучения моих студентов. В процессе работы мной были отобраны материалы, которые

можно сгруппировать по следующим жанрам: документальный фильм, интервью в рамках телепрограмм, социальная реклама.

Таким образом, можно сделать следующие выводы о преимуществах видеοформата:

- 1) наглядность материала, которая способствует пониманию звучащего текста;
- 2) демонстрация особенностей речи носителей китайского языка;
- 3) знакомство с культурой и историей Китая;
- 4) погружение в социокультурную атмосферу нашей страны;
- 5) расширение словарного запаса учащихся;
- 6) тесная связь с развитием других навыков, таких как говорение и письмо.

Список литературы

Баров С. А., Демидова, Т. В. Китайское кино: организационные и лингвометодические обоснования в практике преподавания современного китайского языка. Статья вторая. Москва: Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика, 2011(2), 89–98с. (на рус. яз.)

Струкова П. Э. Рекомендации по использованию рекламных видеороликов в преподавании иностранного языка (на примере китайского языка). Новосибирск: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ФИЛОЛОГИИ И МЕТОДИКИ ПРЕПОДАВАНИЯ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ, 2013, 111–117 с. (на рус. яз.)

Сюй Фаньчэнь. Иньсянсин юйляо цзай дуйвайханьюй кэтан шан дэ иньюняньцзю. [徐凡琴. 音像型语料在对外汉语课堂上的应用研究]. Исследование применения аудиовизуального материала в преподавании китайского языка как иностранного. // Ланьчжоу: Северо-западный педагогический университет, 2020, 83 с. (на кит. яз.)

Тан Ланьтин. Доумэйти шицзяся дэ ханьюй цайсянь кэчэн яньцзю [唐兰亭. 多媒态视角下的汉语在线课程研究]. Исследование онлайн-курсов китайского языка в рамках мультимедиа. // Шанхай: Шанхайский университет иностранных языков, 2020, 80 с. (на кит. яз.)

Е. И. Митькина

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург

Чжао Тяокуан – редактор журнала «Мир детектива»

Чжао Тяокуан (1891–?), имя *мин* – Цзэлинь (泽霖), имя *цзы* – Юйцан (雨苍), уроженец Усина в пров. Чжэцзян (浙江吴兴) [Чэнь Ган, 2014. С. 22], был главным редактором нескольких журналов, однако для «Мира детектива» (*Чжэньтань шицзе*, 侦探世界) – на тот момент первого и самого авторитетного журнала, публиковавшего детективные произведения – его приход ознаменовал наступление нового периода в развитии.

У журнала изначально было четыре редактора: Янь Духэ (严独鹤), Лу Даньань (陆澹庵), Чэн Сяоцин (程小青) и Ши Цзицюнь (施济群). Начиная с тринадцатого номера к команде редакторов присоединился Чжао Тяокуан (赵茗狂). Стиль журнала «Мир детектива» явно поменялся, когда бразды правления перешли к Чжао Тяокуану.

Во-первых, поменялся стиль обложки. Во-вторых, в журнале появилось разделение на рубрики. Он предложил такие колонки, как «Рассказ на 5 минут», «Детектив на экране» и т. д. В конце 1923 г. Чжао Тяокуан даже организовал конкурс коротких рассказов с призами [Го Чэньлун, 2013. С. 32]. В-третьих, произошло изменение редакторской позиции. Раньше главными были детективы, а приключенческая литература (уся 武侠 и маосянь 冒险) – второстепенная. Однако из-за того, что только детективные произведения не могли поддерживать жизнь журнала, пришлось добавить и произведения смежных жанров. В журнале стало появляться все больше теоретических статей [Юй Илу, 2014. С. 52], посвященных детективному жанру, что, несомненно, способствовало его развитию в Китае. Чжао Тяокуан также уделял особое внимание

китайским авторам, поэтому начали печатать произведения новых авторов (до этого печатались, в основном, уже хорошо известные авторы).

Таким образом, вклад Чжао Тяокуана в развитие журнала был значительным, а его редакционная политика способствовала развитию детективного жанра в Китае.

Список литературы

Го Чэньлун. «Чжэньтань шицзе» юй цзиньдай чжэньтань сяошо яньцзю [郭晨龙。《侦探世界》与近代侦探小说研究] «Мир детектива» и исследование современных детективных произведений // Циннянь вэньсюэцзя [青年文学家] Молодой писатель. 2013, № 16. С. 32–33. (на кит.яз.)

Чэнь Ган. «Мэнь цзяо ли Фуэрмосы»: Чжао Тяокуан хэ тадэ «Ху Сянь тань ань» [陈罡。“门角里福尔摩斯”：赵茗狂和他的《胡闲探案》] Холмс в углу двери: Чжао Тяокуан и его «Расследования Ху Сяня» // Хучжоу шифань сюэюань сюэбао [湖州师范学院学报] Вестник педагогического института Хучжоу. 2014, Выпуск 36, № 11. С. 22–27. (на кит. яз.)

Юй Илу. Чжао Тяокуан дэ «Чжэньтань шицзе» [俞依璐。赵茗狂的《侦探世界》] «Мир детектива» Чжао Тяокуана. [华东师范大学] Восточно-китайский педагогический университет. 2014. 87 с. (на кит.яз.)

Е. Б. Таскаева

Сибирский государственный университет путей сообщения, Новосибирск

Билингвизм как выбор: изучение китайского языка на постсоветском пространстве

С 1980-х гг. по настоящее время число изучающих китайский язык в России и странах СНГ увеличилось на порядки: все больше молодых людей связывают свою жизненную стратегию с активным использованием китайского языка, достигая во многих случаях уровня билингвизма. Объективно этому способствует политика правительства КНР по поддержке изучения китайского языка за рубежом. Тем не менее на постсоветском пространстве, особенно в государствах центральноазиатского региона, китайский язык конкурирует за распространение с русским, английским и турецким языками. Изучением взаимодействия языков в социуме занимаются социальная философия и социалингвистика, а выбор траектории личностного развития, включая усвоение нескольких языков, может быть рассмотрен с точки зрения философской антропологии. Автор полагает, что изучение китайского языка и погружение в китайскую культуру все же остается личностным решением жителей других стран. Идеи представителя философской антропологии Г. Э. Хенгстенберга помогают объяснить роль личности в распоряжении заложенными природой способностями, в том числе способностью к овладению языком. Важным аргументом в выборе китайского языка для изучения и активного использования является привлекательность Китая как страны, предоставляющей возможности для развития карьеры и достижения жизненного успеха.

Список литературы

Таскаева Е. Б. Билингвизм сквозь призму философской рефлексии // Идеи и идеалы. – 2018. – № 3 (37). Т. 1. – С. 171–181.

Хенгстенберг, Г. Э. К ревизии понятия человеческой природы / Г. Э. Хенгстенберг / Это человек: Антология / Сост. П. С. Гуревич. – М.: Высшая школа, 1995. С. 211–250.

Л. В. Бузовская

Сибирский государственный университет путей сообщения, Новосибирск

Интерактивные формы на уроке китайского языка при формировании лингвострановедческой компетенции

Основная задача при обучении иностранному языку — сформировать у обучающихся коммуникативную компетенцию. Необходимым условием формирования и развития коммуникативной компетенции является усвоение лингвострановедческого материала, что в свою очередь формирует лингвострановедческую компетенцию. Под лингвострановедческой компетенцией понимается «знание национальных обычаев, традиций, реалий страны изучаемого языка, способность извлекать из единиц языка страноведческую информацию и пользоваться ею, добываясь полноценной коммуникации» [Азимов, 2009. С. 128]

Компетентностный подход в обучении предусматривает широкое использование в учебном процессе активных и интерактивных форм проведения занятий, которые в сочетании с внеаудиторной самостоятельной работой способствуют формированию и развитию профессиональных навыков студентов. Цель данной работы - рассмотреть вопросы организации процесса обучения китайскому языку, формируя лингвострановедческую компетенцию с использованием интерактивных форм.

Интерактивные формы работы рассматриваются с точки зрения организации познавательной деятельности, обучающихся с целью эффективного взаимодействия со всеми субъектами образовательного процесса.

В докладе выделяются основные проблемы формирования лингвострановедческой компетенции при изучении китайского языка, рассматривается специфика организации работы на начальном этапе

формирования лингвострановедческой компетенции и на среднем этапе. Исходя из специфики этапов обучения предлагаются основные формы работы на аудиторных занятиях.

На основании изученной литературы и практической работы делаются выводы о наиболее целесообразных интерактивных формах, способствующих развитию мотивации, навыков самостоятельной работы, развитию когнитивных навыков на этапе формирования лингвострановедческой компетенции.

Список литературы

Азимов Э. Г., Щукин А. Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам) М.: Издательство ИКАР, 2009. 448 с.

А. М. Карапетьянц

*Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова,
Москва*

**К вопросу слитной или раздельной интерпретации составляющих
биномов китайского языка**

В тексте канона «Ицзина» ко второй гексаграмме (ГГ) *кунь* имеются параллельные фразы 西南得朋, 東北喪朋, составляющие отдельное сообщение. Последние два знака в них однозначно интерпретируются как «обретение» и «утрата друзей», а первые два составляют набор четырех сторон света: в первой фразе запад и юг, во второй – восток и север. Пара сторон света присутствует и в первой строке зачина к знаменитой *юэфу* 孔雀東南飛, которую переводят и как «павлины летят на юго-восток», и как «павлины летят на юг, на восток». Щуцкий переводит эти фразы как «на юго-западе обрести друзей, на северо-востоке – утратить друзей», у Вильгельма это уже запад и юг, восток и север. Такое несовпадение не прокомментировали ни переосмысливший интерпретации Вильгельма Щуцкий, ни издатель текста Щуцкого Кобзев.

Поскольку ни юго-запад, ни северо-восток ничем особым не примечательны, а аналогичная группировка сторон света наблюдается в «Ицзине» еще в двух местах (тексты к ГГ 39 и к пятой черте ГГ 63), здесь скорее следует видеть попарное перечисление сторон света в обратном порядке по отношению к стандартному 東南西北, т.е. против часовой стрелки.

Очевидно, Вильгельм достаточно чувствовал китайский язык, чтобы не принять бином 西南 за слово, не искать его мысленно в словаре, а видеть по частям, находя между ними равноправные (но не противительные, как в 東西) отношения (в случае неравноправных это как

раз и будет юго-запад). Павлины тоже летели на восток, на юг, т.е. разлетались, что очевидно из второй строки поэмы, и это обеспечивает уместность данного зачина. Только стороны света здесь перечислены в обычном порядке: восток – юг – [запад – север]. А как – отдельно или вместе – понимать西南 никому не пришло в голову обсуждать: для китайца это разумеется само собой, а для европейца подобные рассуждения «ни о чем».

В случае «юго-запада» между компонентами бинорма было бы неравноправное отношение, которое по умолчанию атрибутивно и эксплицируется через 之 (的). В соответствии со спецификой подобного рода локативов 西之南 – это «к югу от запада», что в определенной мере соответствует русскому «юго-запад».

А. С. Шамрин

Новосибирский государственный университет, Новосибирск

Специфика оппозиции в кёнсанском диалекте корейского языка на примере переднеязычных согласных типа «t»

Многие исследователи сходятся во мнении, что в корейском языке существует трёхчленная оппозиция согласных звуков. Как правило, в научной литературе эти три группы согласных звуков называются «слабыми», «сильными» и «придыхательными». При этом не существует единого мнения насчёт релевантного признака для дифференциации трёх видов фонем. Это послужило мотивом для проведения исследования.

На основании выполненного нами акустического анализа и статистической обработки данных были сделаны следующие выводы:

1. Аспирация в той или иной степени присутствует в оттенках всех фонем типа «t».

2. Согласно полученным данным, в инициальной позиции все оттенки фонем типа «t» являются глухими.

3. В интервокальной позиции длительность звонкого участка смычной фазы звука не является релевантным признаком для дифференциации трёх фонем. Однако звонкость аспирированного участка является характерным признаком фонемы /t1/. При этом принципиальная разница между фонемами /t2/ и /t3/ отсутствует.

4. Статистический анализ показывает, что в инициальной позиции относительная длительность звука, а также длительность смычной фазы и длительность аспирации, не являются признаками дифференциации фонем /t1/ (слабая) и /t2/ (сильная), а также /t1/ (слабая) и /t3/ (придыхательная), но являются признаками дифференциации фонем /t2/ и /t3/. В связи с тем, что по этому признаку можно дифференцировать

только фонемы /t2/ и /t3/, а других релевантных признаков для выделения фонемы /t1/ в инициальной позиции нет, можно сделать вывод, что в инициальной позиции встречаются только аллофоны фонем /t2/ и /t3/.

Е. Л. Фролова

Новосибирский государственный университет, Новосибирск

**Приложения к ежегодникам крупных японских газет как источник
для ономастических исследований**

Создание различных ономастических баз данных, каталогов, атласов относится к актуальным задачам современной науки. В отличие от топонимических исследований, в настоящее время нелегко получить доступ к идеальным базам для исследования антропонимов, поскольку личные имена и личные данные являются приватной информацией. В этих условиях мы обратились к ежегодным сборникам статистических данных, выпускаемых крупными японскими газетными и новостными холдингами. Это ежегодные каталоги издательств Jiji Press, Mainichi Shimbun, Asahi Shimbun и Yomiuri Shimbun. В каждом из ежегодников есть списки имен собственных личностей, упомянутых в публикациях данного издания за последний год.

Рассмотрим, например, ежегодник Yomiuri за 2020 г. [Ёмиури нэнкан, 2020]. Для всех имен собственных указано чтение, кроме того, сообщается дата и место рождения, род занятий, образование, настоящее имя (если есть). Список разбит на 19 разделов по сферам деятельности («политика и международные отношения», «медицина и здоровье», «изобразительное искусство» и др.) и включает ежегодно примерно 20 000 человек.

Алгоритм работы с массивом имен может быть выбран в соответствии с целями исследования. После обработки (занесения, например, в таблицы Excel) материал можно исследовать комплексно и системно – с использованием лингвистических, культурологических, типологических и ареальных методов. Например, определить частотные модели имен, популярность и гендерное употребление иероглифов, установить региональные особенности имен и фамилий и т. д. База дает возможность

выполнить в том числе просопографические исследования. К недостаткам данного источника относятся отсутствие вариантов употребления имени и отсутствие указания на гендерную принадлежность.

Список литературы

Ёмиури нэнкан 2020 нэнхан [読売年鑑 2020年版]. Ежегодник Ёмиури 2020. Токио: Ёмиури симбунся сёппанся, 2020. 495 с.

М. Е. Кравцова

Независимый исследователь, Санкт-Петербург

**Любовно-эротические мотивы в древнекитайской поэме «Да
Чжао»**

Поэма «Да чжао» («Великое призывание»), в 220 четырехсловных строк, входит в собрание «Чу цы» («Чуские строфы»), составленное во II в. н. э. и репрезентирующее поэтическое творчество древнего царства Чу (XI в.–223 г. до н. э.). Приписанная первыми комментаторами «Чу цы» великому поэту Цюй Юаню (IV–III вв. до н. э.), она была создана, вероятнее всего, в Западном Чу (206–202 гг. до н. э.), возникшем вслед за крушением империи Цинь (221–207 гг. до н. э.). Принято считать, что квинтэссенцию «Да чжао» составляет повествование о странствовании «души» (*хунь*) в предельно опасном для нее фантазмагорическом мире, а потому поэму следует рассматривать в аспекте анимистических и танатологических представлений. Однако ее основную часть (строки 57–220) занимают воспевания роскоши придворной жизни и апология правящего режима. Особо примечателен подраздел (строки 173–142) из литературных портретов восьми гаремных красавиц. Эта «галерея» отчетливо коррелирует с будущей поэзией на любовные темы и живописью, включая жанр «красавицы» и «эротические картинки»: акцентирование в тексте лиц и телесной привлекательности героинь вкупе с лаконичностью деталей их одеяния создает впечатление обнаженной натуры. Явственно звучат и мотивы благотворного, фактически терапевтического, воздействия на эмоционально-психологическое состояние мужчины не только собственно сексуального наслаждения, но и эстетического

переживания женской красоты. Правомерно утверждать, что в «Да чжао» зафиксированы воззрения на женскую красоту, послужившие архетипом для всего последующего китайского художественного творчества.

СОДЕРЖАНИЕ

СЕКЦИЯ ДОКЛАДОВ НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ (SECTION IN ENGLISH)	2
<i>H. Takakura.</i> Intangible Cultural Heritage and the Disaster Risk Reduction	2
<i>H. Oka.</i> On Mongolian Migrant Laborers in the Qing Era Mongolia.....	4
<i>S. Ziehaus.</i> The Qing after the Imperial Turn: Paradigm Shifts and New Frontiers in Global History	6
<i>E. Kolesova.</i> From “Kyoiku Mama” to “Taiga Mother” – Stereotypes about Education Practice in Japan and China and its Effect on New Zealand.....	9
<i>Y. Cheng.</i> Weapons of Diplomacy: Japan's Weapon Export to Korea in 17 th century Northeast Asia	10
<i>A. Gerstl.</i> The Sino-US Rivalry in the Indo-Pacific: The Strategic Responses of Great and Middle Powers	11
<i>V. Kruglov, J. Richter.</i> New Methods of Teaching Chinese Diplomatic Language.....	17
<i>U. Wallenböck.</i> Connecting Foodways: Cultural Entanglement in Inner Asia	19
<i>J. Sato.</i> Gathering Activity of Wild Foods in Japan and Its Contemporary Situation.....	20
<i>A.V. Zinchenko.</i> The significance of the «Seven Rituals» tea complex in the context of its connection to Zen Buddhism	21
СЕКЦИЯ «АРХЕОЛОГИЯ, КУЛЬТУРА, ИСКУССТВО, МИФОЛОГИЯ, РЕЛИГИЯ»	23
<i>С. А. Комиссаров, П. В. Мартынов.</i> Пещеры Мустанга	23
<i>М. А. Кудинова.</i> Дворцовый парк правителей Наньюэ – древнейший памятник ландшафтного искусства на юге Китая	24
<i>Д. В. Селин.</i> О связях бегазы-дандыбаевской культуры с культурами эпохи поздней бронзы Синьцзяна (КНР)	26

<i>В. В. Ахметов.</i> Погребения знати в Бохэе и объединенном Силла: к вопросу о периоде государств севера и юга в корейской историографии	28
<i>Е. Э. Войтишек, А. В. Запорожченко.</i> Проект по изучению азиатских коллекций в музеях Европы на кафедре востоковедения Гуманитарного института НГУ	30
<i>Е. Е. Малинина.</i> Феномен «прощальных стихов» в дзэнской традиции.....	32
<i>Е. Э. Войтишек, Е. Б. Смолкина.</i> Вклад корейских мастеров в развитие японского фарфора	33
<i>П. Э. Подалко.</i> Востоковедение в РФ в постсоветскую эпоху: шаг вперёд, или два шага назад?	35
<i>А. С. Шмакова.</i> Ароматическая культура Кореи периода Трёх государств (по материалам Самгук Саги, Самгук Юса).....	37
<i>Н. И. Мартишина.</i> Принципы конфуцианской философии в культуре современного Китая.....	38
<i>А. В. Зинченко.</i> Значение комплекса «Семь ритуалов» в контексте его связи с дзэн-буддизмом.....	40
<i>А. Г. Сторожук.</i> Цинкэтинское и Чжусюэчжайское собрания Ляо Чжэя	42
<i>А. О. Победоносцева-Кая, А. И. Кирпичёнок.</i> Сехаране: сохранение идентичности курдистанских евреев.....	44
СЕКЦИЯ «НОВАЯ И НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ, ПОЛИТИКА, ИДЕОЛОГИЯ»	46
<i>В. Г. Шишкин.</i> Деятельность Royal Dutch Shell в Китае в 1940–1960-х годах.....	46
<i>М. А. Кузовков.</i> «Новый период Сакоку»: политика коронавирусных ограничений по отношению к иностранным резидентам в Японии.....	48
<i>А. В. Филиппов.</i> Тенденции в развитии историографии Японии в середине XIX – начале XXI века (учебники и обзорные монографии на русском и английском языках).....	50

<i>Н. В. Григорьева. Сухопутная граница между Китаем и Вьетнамом: история формирования и практика функционирования</i>	54
<i>Е. Н. Емельченкова. Становление таможенной службы в Китае (XIX–XX вв.)</i>	55
<i>М. А. Бартаханова. Ex facto oritur jus. Экономическая экспансия США в Китае и дипломатическое противостояние с Россией и европейскими державами в конце XIX века</i>	57
<i>А. Л. Верченко. Об особенностях начального этапа советско-китайского сотрудничества в документальном кино</i>	61
<i>И. Е. Пожилов. Фу Боцуй: 20 лет не с КПК, не с Гоминьданом</i>	63
<i>Д. В. Стрельцов. «Исторические войны» в Восточной Азии</i>	65
<i>Е. У. Ким. Проблема передачи оперативного командования вооруженными силами РК самой Южной Кореи</i>	67
СЕКЦИЯ «ЛИТЕРАТУРА, ЯЗЫКОЗНАНИЕ, ПРЕПОДАВАНИЕ ВОСТОЧНЫХ ЯЗЫКОВ»	69
<i>Л. В. Кирюхина. Междометие в грамматической теории Ма Цзяньчжуна</i>	69
<i>О. Ю. Родионова. Технологизация высшего образования в России и Китае</i>	71
<i>Н. В. Кутафьева. Различия в китайской и русской лингвокультурах на примере зооморфной метафоры «пантера». </i>	73
<i>Н. В. Селезнева. «Китайский +» в рамках инициативы Пояса и Пути</i>	75
<i>С. Яо. Преимущества видеоформата в аудировании и говорении в рамках преподавания китайского языка</i>	77
<i>Е. И. Митькина. Чжао Тяокуан – редактор журнала «Мир детектива»</i>	80
<i>Е. Б. Таскаева. Билингвизм как выбор: изучение китайского языка на постсоветском пространстве</i>	82
<i>Л. В. Бузовская. Интерактивные формы на уроке китайского языка при формировании лингвострановедческой компетенции</i>	84

<i>А. М. Каранетьяни.</i> К вопросу слитной или раздельной интерпретации составляющих биномов китайского языка	86
<i>А. С. Шамрин.</i> Специфика оппозиции в кёнсанском диалекте корейского языка на примере переднеязычных согласных типа «t» ..	88
<i>Е. Л. Фролова.</i> Приложения к ежегодникам крупных японских газет как источник для ономастических исследований	90
<i>М. Е. Кравцова.</i> Любовно-эротические мотивы в древнекитайской поэме «Да Чжао»	92

